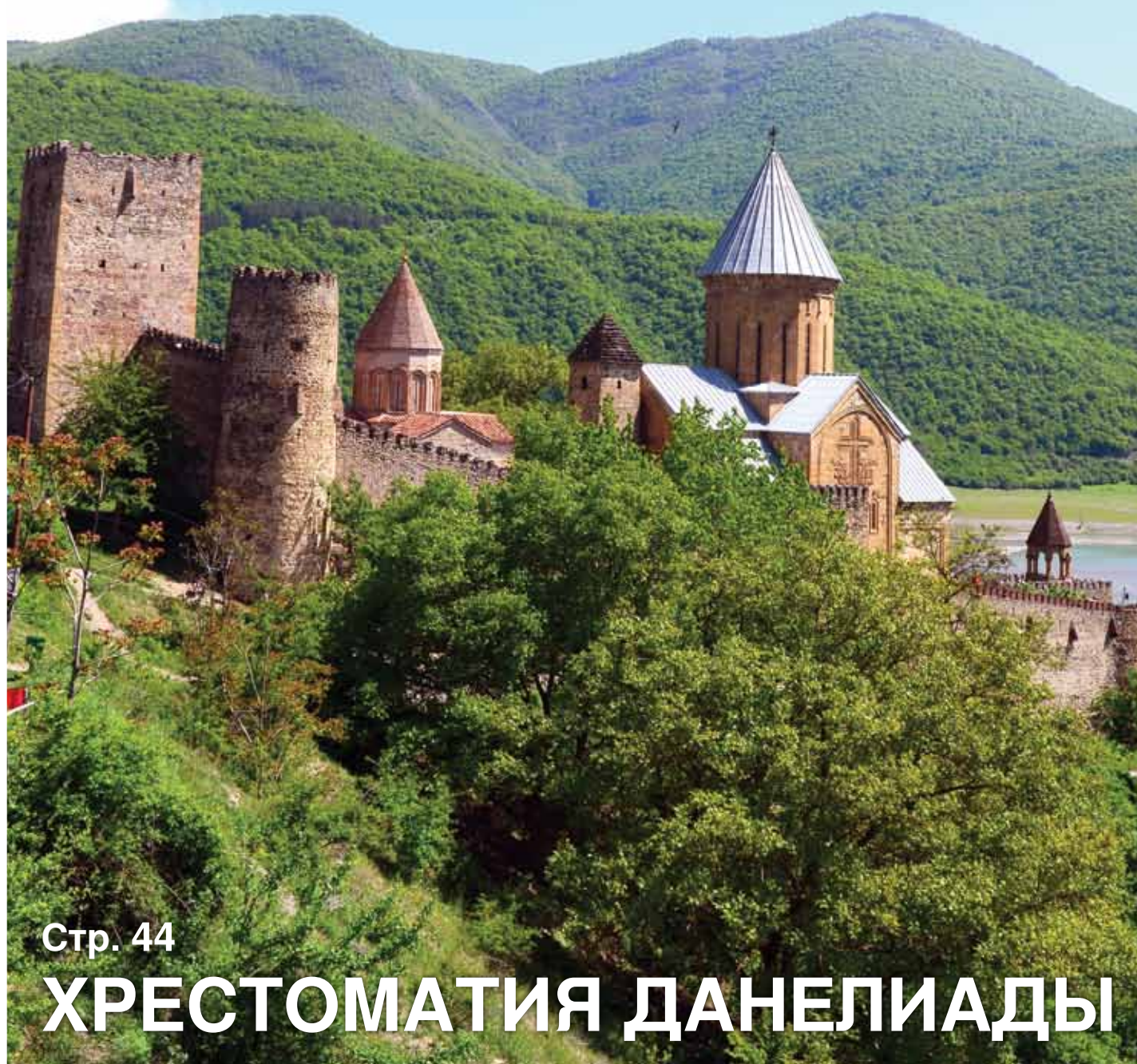

№8

Август 2020

РУССКИЙ КЛУБ

Стр. 44

ХРЕСТОМАТИЯ ДАНЕЛИАДЫ

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДZE
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДZE
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДZE
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДZE

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДZE
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДZE
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№8⁽¹⁷⁸⁾
Август 2020

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ДОМ ДЛЯ МЕЛЬПОМЭНЫ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 12 СКЕЛЕТ В РЕДАКЦИОННОМ ШКАФУ
КОРА ЦЕРЕТЕЛИ
- 19 ТБИЛИСИ
АРКАДИЙ АРКАНОВ
- 20 «Я ТАК ЛЮБИЛА ВАС...»
НИНА ШАДУРИ
- 26 ВСПОМИНАЯ ПАРАДЖАНОВА
ИРИНА ДЗУЦОВА
- 28 ГДЕ МОЖНО ПРЕДАТЬСЯ ИЛЛЮЗИЯМ...
МЕДЕЯ АМИРХАНОВА
- 31 ПОЗДРАВЛЯЕМ
- 32 РАДОСТИ И ГОРЕСТИ ВИЛЬЯМА БЕРТРАНА
АНАИДА ГАЛУСТЯН
- 38 «АБСОЛЮТНОЙ ТИШИНЫ НЕ БЫВАЕТ»
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 40 АНГЕЛ. ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ РУХНУЛА
ЛИАНА ШАХВЕРДЯН
- 44 ХРЕСТОМАТИЯ ДАНЕЛИАДЫ
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 51 НЕВЫДУМАННЫЕ ЛЕГЕНДЫ. О ЛЮДЯХ
В ПОГОНАХ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

На обложке – КРЕПОСТЬ АНАНУРИ
Фото: Александр СВАТИКОВ

от а до я

Роб АВАДЯЕВ

ДОЛОЙ ЭЙФЕЛЕВУ
БАШНЮ!

Его книги прятали от своих сыновей многие родители, чтобы мальчики не вычитали чего-нибудь плохого. Ибо в его рассказах и романах было написано немало об отношениях полов. Правда, умные родители не создавали явных запретов и хотя и не рекламировали, но тем не менее не прятали книжки этого французского писателя в ящик под ключ. И знаете, по ознакомлению с ними тайком под одеялом, почему-то этот «сладкий плод» не оказался таким уж заманчивым. Хотя любовные приключения беспринципного авантюриста Жоржа Дюруа из романа «Милый друг» вызвали взволнованный мальчишеский интерес и, как ни странно, сочувствие. Да, великий французский писатель Ги де Мопассан — автор бесчисленных блестящих рассказов, был великолепным рассказчиком. Сам Лев Толстой это отмечал, скромно считая его в этом аспекте творчества гораздо талантливей себя. Им восхищались многие — и Тургенев, и Чехов, и Маяковский с Блоком, ему вначале своего творчества почти на-

прямую подражал Исаак Бабель. Хотя в советское время считалось, что Мопассан был вначале излишне натуралистичным, а после эволюционировал от натурализма к декадентству — эстетизации всего болезненного и уродливого. Но факт остается фактом, Ги де Мопассан признан одним из крупнейших писателей во французской литературе. Он родился в лотарингской дворянской семье в августе 1850 года в старинной усадьбе около Дьепа в Нормандии, куда задолго до его рождения перебрался с близкими его прадед. Мальчик с самого детства подавал большие надежды, хотя сначала его отдали учиться в... семинарию, как это ни забавно звучит, учитывая жизнь, которую Ги прожил. Впрочем, его оттуда быстро отчислили — слишком жизнелюбивый характер! Отучился он в руанском лицее, где его полюбили и подерживали в начальных литературных опытах. Но первым и настоящим его наставником, что в юности, что уже в молодости стал друг их семьи знаменитый писатель Гюстав Флобер. Юный Мопассан отправился в Канн учиться праву, но началась франко-прусская война, которую он прошел от первого до последнего дня простым рядовым. После войны его семья разорилась, и молодому человеку пришлось пойти работать в Морское министерство, где он и прослужил больше десяти лет. И параллельно с работой Ги занялся написанием рассказов, которые сначала относил Флоберу на рецензию, а тот велел их без конца переписывать и никому не показывать, пока они не станут лучше. Прошло шесть лет, и наступил тот день, когда маститый писатель и наставник сказал: «Все, пора!» И Франция узнала своего ошеломляющего литературного гения. Мопассан сразу понравился читающей публике и обрел громадную славу и большой успех. Его заработок достигал 60 тысяч франков в год. Мопассан считал своим долгом финансово поддерживать мать и семью брата. Но разнузданный образ жизни быстро подорвал здоровье писателя; он заболел неизлечимой в то время болезнью — сифилисом, последствия которого и свели этого блестящего человека в могилу в возрасте всего сорока двух лет. Но кроме последних двух лет, когда его накрыла волна безнадежности и депрессии, Мопассан был веселым, жизнерадостным и остроумным. Он в газетах яростно ругал Эйфелеву башню, призывая ее разрушить и называя «безобразным скелетом». Но частенько его видели в ресторане на втором уровне этой громады, а он оправдывался, объясняя, что здесь единственное место, где эту уродину не видно.

ВЕРДИКТ: НЕ ВИНОВЕН!

А за сто лет до Мопассана родился один загадочный и ненавидимый решительно всем человечеством человек. О нем написано много книг. Его считают подлым отравителем и символом черной зависти к гению великого Моцарта, негодяем, который не имея природного таланта, добился успеха упорством, «алгебру гармонией разъяв», и коварными интригами. Мы говорим об Антонио Сальери. Это был итальянский композитор и дирижер, работавший всю жизнь в Вене, в окружении гениальных коллег — Глюка, Моцарта, Йозефа и Михаэля Гайднов. Он был сыном состоятельного колбасника из Леньяго близ Вероны. Но его родители рано умерли, и юный Антонио был взят на воспитание в семью друзей отца — богатых венецианцев, которые дали ему хорошее воспитание и начатки музыкального образования. А один из их добрых приятелей — придворный композитор императора Иосифа II Флориан Гассман принял участие в судьбе талантливого сироты и увез его к себе в Вену, став ему вторым отцом. Он занимался с ним композицией и помогал совершенствовать игру на разных инструментах. Гассман, входивший в узкий круг приближенных, с которыми почти ежедневно музицировал император, и ввел в этот круг Антонио, тем самым положив начало его блестящей придворной карьере. В итоге Антонио Сальери стал высокопоставленным музыкантом и композитором, влиятельным придворным, обласканным двором. Его считали выдающимся симфонистом, и его оперы пользовались большой популярностью. И если у кого-то из двоих, Моцарта и Салье-

ри, был повод завидовать друг другу, то это у Моцарта к успехам Сальери, а не наоборот. Сохранились письма Вольфганга, где он с горечью писал про засилье при дворе итальянцев, и что честному австрийцу сквозь них никак не пробиться. Да, Сальери, в отличие от Моцарта, похоже не был в детстве вундеркиндом, но вряд ли это было поводом к такой страшной литературной мести, как в «Маленьких трагедиях» у Пушкина или в «Амадеусе» у Питера Шеффера. По воспоминаниям современников, Сальери был совсем неплохим человеком, не чуждым товарищества с коллегами. С Моцартом они были, если не друзьями, то добрыми приятелями. Они даже однажды совместно написали музыкальную миниатюру в подарок одному значительному лицу. Они посещали все премьеры друг друга. А когда Сальери назначили директором оперы, то он вернул на сцену «Женитьбу Фигаро» Моцарта, ранее снятую из репертуара театра. Сальери был также одним из немногих, кто пришел проститься с умершим Моцартом и принял участие в судьбе его семьи. Он был учителем Франца Ксавера – сына Вольфганга и Констанци, причем не брал за уроки денег. Сальери вообще оказался замечательным преподавателем. Среди его учеников были Бетховен, Шуберт и Франц Лист. И конечно же, как доказало специальное профессиональное расследование, проведенное в конце XX века, он не отравил гения и даже не принимал участие в интригах против Моцарта. Сальери был и неплохим человеком, и приличным музыкантом. Хоть и не гением, но, как бы сейчас сказали, «крепким профессионалом». Что же до обвинений в убийстве, то в этом оказался виновен... сам Сальери. За два года до смерти он сошел с ума и был помещен в клинику душевнобольных, где якобы обвинял себя в смерти Вольфганга. Но, кроме нашего гениального Пушкина, все современники это сочли ерундой и бредом больно-

образованным человеком и проявил себя в разных областях знания. Кроме медицины, он был музыкантом, астрономом, логиком, математиком и поэтом. Уже в десять лет мальчик наизусть знал Коран и занимался законоведением. Причем многие взрослые приходили советоваться к юному умнику. Он даже самостоятельно изучал «Метафизику» Аристотеля, сначала безуспешно, но потом он прочитал комментарии к ней Аль-Фараби и во многом разобрался. А позднее в его жизнь пришла медицина – в шестнадцать лет он был приглашен лечить Бухарского эмира. Вот как он об этом написал: ««Я занялся изучением медицины, пополняя чтение наблюдениями больных, что меня научило многим приемам лечения, которые нельзя найти в книгах». Жизнь Авиценны была бурной. После падения Бухары и гибели династии Саманидов, он оказался «в бегах» из-за отказа пойти на службу к захватчикам-газневидам. Ибн Сина скитался немало лет, переезжая из города в город, где занимался лечением больных и оттачивая свое врачебное искусство. Он занимался также наукой и писал свои книги. Иногда даже в седле во время долгих переездов. А в тридцать пять он осел на десять лет в Хамадане, где приглянулся тамошнему руководству и даже был назначен визирем – кем-то вроде министра здравоохранения. Врагов и завистников, естественно, появилось несчетное число. Против Авиценны интриговали, ему грозили судом и даже смертью. Владыка же казнить врача не дал, а лишь отправил в изгнание. Но через месяц, когда у него наступило ухудшение болезни, повелел найти, привезти и вернуть министерский статус. После смерти этого эмира с Авиценной попытались свести счеты и даже заточили на полгода в тюрьму. Ему удалось вырваться с помощью друзей и последние четырнадцать лет от прожил более или менее спокойно в Исфахане при дворе тамошнего владыки – своего давнего приятеля. Он не

только лечил людей, но строил больницы и основал медицинскую школу, где сам и преподавал, но даже ходил с эмиром в военные походы. Там же он и завершил многие из своих научных, философских и поэтических работ. В частности, свой фундаментальный труд «Канон врачебной науки». К сожалению, многие из его рукописей сгорели во время нашествия газневидского войска. Авиценне вместе с исфаханским эмиром приходилось немало воевать. А из одного похода Ибн Сина не вернулся – самого себя от болезни почек он вылечить не сумел. Он умирал у обочины дороги на руках у случайных людей. Авиценна продиктовал свое завещание незнакомцу, в котором отпустил всех своих рабов на свободу, поделив все свои богатства и сбережения между ними и городскими бедняками. Вот одно из его пророческих рубаи:

«От праха черного и до
небесных тел
Я тайны разглядел мудрейших
слов и дел.
Коварства я избег, распутал
все узлы,
Лишь узел смерти я распутать
не сумел».

Авиценна был похоронен у городских ворот города Хамадана, но уже через восемь лет был с почетом перезахоронен в Исфахане в эмирском мавзолее.

ВЕЛИКИЙ ВРАЧ И ЧЕЛОВЕК

Средневековому персидскому ученому, философу и гениальному врачу, которого мы знаем под европеизированным именем Авиценна, 16 августа исполняется 1040 лет со дня рождения. На самом деле его звали Абу Али Хусейн ибн Абдаллах ибн Сина, или попросту Ибн Сина. Этот глубокий мыслитель и представитель восточного аристотелизма был придворным врачом саманидских эмиров и дайлемитских султанов. Как и многие восточные мудрецы, Авиценна был разносторонне

ДОМ ДЛЯ МЕЛЬПОМЕНЫ

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Хоть и существует расхожее выражение, что театр родился на площади, тем не менее первое крытое театральное здание было построено римлянами в Помпеях уже в I-III вв. до н. э. Поэтому нет ничего удивительного в том, что главный вопрос, который стал перед создателями русского театра в Грузии 175 лет назад, касался театрального помещения.

Уже в 1844 году обсуждалась перспектива постройки театрального здания. Тифлисский архитектор И. Иванов разработал соответствующий проект, однако реализовать его не удалось. Взамен этого было решено переделать в театр Манеж, и автором данного проекта тоже стал Иванов. Манежный театр на 340 мест был открыт в 1845 году. «Он имел полукруглый зрительный зал, нетипичные яруса и боковые ложи. Театр Манежа располагался на территории верхней части здания парламента (пр. Руставели, N8)» (И. Ниорадзе. Театральная архитектура в Грузии, 2005, с. 206).

ТЕАТР ГАВРИИЛА ТАМАМШЕВА

Но уже 15 апреля 1847 года было начато строительство большого каменного театрального здания на Эриванской площади – по проекту итальянского архитектора Джованни Скудиери на средства армянского мецената, купца 1-й гильдии, почетного гражданина Тифлиса и Ставрополя, коммерции советника, кавалера ордена Станислава 3-й степени Гавриила Ивановича Тамамшвева. Выполнение лепных работ было доверено «лучшим персидским штукатурам» по утвержденным эскизам и детальным чертежам, разработанным художником Григорием Гагариным. Расписывать зал и фойе по его же эскизам было поручено живописцу Михаилу Трошинскому. По окончании работ коридоры и внутренняя часть лож были покрыты восковой мастикой «такого свойства, что от неизбежного обтирания стен посетителями стены не только не будут марать-

ся, но напротив того, от трения получают больше лоску». Люстра была заказана в Париже, и для ее транспортировки были использованы 12 ящиков весом 1.218 кг. «Люстра была доставлена из Парижа в Марсель, затем морем через Одессу и Редут-кале, а оттуда перевезена в Тифлис на обывательских подводах в исходе 1851 года».

8 ноября 1851 года состоялось открытие нового театра. С этого дня здесь выступали артисты трех трупп – русской драматической, грузинской и итальянской.

Тамамшевский театр просуществовал всего двадцать три

Гавриил Тамамшев

Григорий Гагарин

года. 11 октября 1874 года случился пожар. Генерал-майор Владимир Антонович Лимановский доложил в своем письме Его Императорскому Высочеству (послание датировано 12 октября 1874 года): «Караван-сарай и находящийся внутри онаго Зимний театр со всеми при нем помещениями сгорел совершенно. Остались одни голые стены. От загоревшихся лавок, еще в начале пожара, проник в драматическую библиотеку и гардероб. Дым такой густой, что нельзя было дышать; поэтому ни книг, ни гардероба спасти было нельзя. Из прочаго имущества, а именно: декораций, мебели, ламп, музыкальной библиотеки и инструментов вынесено все, что было возможно» (Государственный архив Грузии. Фонд 55, опись N1, N37).

Как рассказывает Ю. Кобяков в своих «Очерках из прошлого Тифлисского театра», 11 октября 1874 года запомнился тбилисцам надолго. В этот роковой день они наблюдали страшную картину, как «неумолимый огонь пожирал здание, 23 года составлявшее гордость Тифлиса». Предполагалось, что произошел поджог. Позднее выяснилось, что пожар начался в лавке, примыкавшей к театральной библиотеке, и огонь распространился так быстро, что о спасении нечего было и думать. «В тот вечер должна была идти «Норма». Постепенно собирались артисты и хор. Примадонна Паппини разделалась, чтобы при-

Г. Гагарин. Эскиз занавеса Театра при Караван-сарае

ступить к гриму. Вдруг показался огонь». Через десять минут прибыла пожарная команда, однако в распоряжении брандмейстера были всего две бочки и две трубы, из которых одна испортилась уже в начале пожара. Лестниц также не было. Не оказалось воды и в бассейне на Эриванской площади. Героями на этом пожаре оказались тулухчи (водовозы. — И.Б.), которые беспрестанно в течение шестнадцати часов возили воду из Куры.

Так перестал существовать Театр при Караван-сарае — так называемый Зимний театр. Было принято решение играть в Летнем театре, который пришлось наскоро перестроить. Он находился на улице Водовозной, в Инженерном саду, и весной 1877 года в Тифлисе вновь появилась русская драматическая труппа под управлением молодого актера-комика Сергея Александровича Пальма.

Представления и зимой, и летом теперь шли в деревянном здании Летнего театра с примыкающим к нему уютным садом. При театре не было фойе — в любое время года его заменял сад. А когда все билеты были распроданы, публика охотно покупала довольно дорогие входные билеты и располагалась в саду — желающих «посетить это место и поужинать в театральном буфете всегда было достаточно... В саду были фонтанчики, и он был самый прохладный уголок в Тифлисе» (Цит. по книге «Очерки из прошлого тифлисского театра»).

Однако, несмотря на реконструкцию, Летний театр все-таки не был приспособлен к холодам и стоял вопрос о строительстве нового здания. Был объявлен конкурс на лучший проект. Рассматривались разные места, подходящие для строительства: городской дом на Эриванской площади, инженерный дом на углу Барятинской и Водовозной улиц (рядом с Летним театром), площадки нижнего и верхнего Александровского сада, и, наконец, участок Зубалова, Читахова и Эминова на Головинском проспекте. В итоге театр решено было строить на Головинском проспекте.

ТИФЛИССКИЙ КАЗЕННЫЙ ТЕАТР

Первая премия досталась архитектору-академику из Санкт-Петербурга Виктору Александровичу Шретеру.

«Согласно условиям конкурса, с самого начала было определено, что здание должно вмещать не менее 1000 зрителей и быть решено в мавританском стиле. Оперный театр строился на протяжении шестнадцати лет».

18 февраля 1880 года проект был окончательно утвержден наместником, а в июле приступили к возведению фундамента. Средства, отпущенные на постройку, быстро иссякли, хотя у строящегося театра еще не было крыши, да и стены не были доведены до необходимой высоты. В итоге в 1884 году работы были приостановлены: пришлось обращаться

Казенный театр

в государственное казначейство за дополнительными средствами в размере 342.234 руб. Однако выделено было лишь 110.000 руб. В 1886 году здание было покрыто кровлей, но внутри не было ни полов, ни лестниц, ни сцены. Театр простоял незаконченным до 1894-го – в этом году поступили, наконец, бюджетные средства. В 1896 году работы были почти завершены, но здание не было оштукатурено и в этом виде простояло еще лет восемь. Тем не менее датой открытия Тифлисского казенного театра считается 3 ноября 1896 года.

На сцене Тифлисского Казенного театра до революции выступали как оперные, так и драматические артисты – в том числе Русская драма Н.Д. Лебедева, Труппа драматических артистов – Дирекция Е.Ф. Боур и А.И. Гришина, Товарищество русских драматических артистов под управлением Л.К. Людвигова и другие антрепризы.

ТЕАТР АРТИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

А вот «Товарищество новой драмы» под руководством В.Э. Мейерхольда выступало в начале XX века на сцене питоевского театра Артистического общества (ныне здесь работает любимый всеми театр имени Ш. Руставели). Здесь играли разные труппы, в том числе с 1915 по 1923 годы Товарищество артистов русского театрального общества, ТАРТО – русский театр, которым руководил Александр Александрович Туганов (в 1921 году ТАРТО был преобразован в Русский академический театр).

Театр Артистического общества – это исполнение мечты знаменитого театрального деятеля, мецената Исая Егоровича Питоева. Ему хотелось, чтобы его любимый Тифлис был украшен театром особой постройки. Разработать проект он предложил именитым тифлиским архитекторам Корнелию Татищеву и Александру Шимкевичу. Последний и завершил целиком всю работу. Здание было заложено в 1898 году. Стиль – позднее барокко. Зал был рассчитан на 810 мест. Для осуществления лепных работ на фасаде и внутри здания были приглашены лучшие итальянские мастера. Вся мебель, зеркала, ковры, светильники и прочее были привезены из Европы и выполнены в единственном экземпляре по специальному заказу. Все самое современное оборудование для театра тоже было привезено из Европы, установку обеспечивала знаменитая немецкая фирма «Шукерт».

6 февраля 1901 года здание

театра было торжественно освящено.

Газета «Кавказ» (N36) писала: «Сегодня мы можем наглядно убедиться, что у нас есть частная инициатива и частные капиталы в таких громадных размерах вкладываются в дело служения высшим общественным идеалам, в дело цивилизации».

В той же газете давалось подробное описание театрального помещения. Вот как оно выглядело накануне открытия театра: «С первого взгляда поражаешься необыкновенным изяществом и разнообразием многочисленных люстр, бра и прочих приспособлений для электрического освещения».

Вообще фирма «Шукерт», которой было поручено устройство освещения, не только блистательно выполнила свое дело с технической стороны, но и обнаружила тонкий художественный вкус и поразительное богатство в выборе всевозможных, строго соответствующих стилю комнат арматур...

«Помимо внешних достоинств и всевозможных удобств (в креслах партера, например, существуют даже особые приспособления для шляп и биноклей), посетители нового театра имеют еще и то удобство, что могут сознавать себя в полной безопасности на случай пожара. ... при произведенной пробе, полный зал был очищен и все сидевшие в нем успели собраться на сцене через 1 1/2 минуты после команды «пожар». Кроме того, во всех помещениях в изобилии находились специальные противопожарные приспособления, и

имелся собственный «паровой насос».

Как сообщала газета «Кавказ», пол сцены был сделан вращающимся, что давало возможность быстро менять декорации. Ненужные декорации через особый люк опускались прямо в склад, расположенный под сценой. Для освещения использовалось 1200 лампочек, кроме специальных ламп для особых световых эффектов. В театре был оборудован и громадный концертный зал, отделанный в стиле Людовика XV с грандиозными зеркальными окнами, выходящими на Головинский проспект, а также малый зал «в стиле эпохи директории». Далее находилась гостиная в стиле модерн, а налево – малая зала в стиле немецкого ренессанса и дамская гостиная в декадентском стиле..., изящная столовая в стиле ренессанс с сплошными зеркалами по стенам».

БАНКОВСКИЙ ТЕАТР

На месте нынешнего театра имени А.С. Грибоедова стоял так называемый Банковский театр, или иначе Театр грузинского дворянства (кстати, этот отрезок проспекта с 60-х годов XIX века назывался Дворцовой улицей, а в советское время определенный период – улицей Коминтерна). Это здание в 70-е годы XIX века на свои средства построил армянский публицист и общественный деятель Григор Арцруни. В здании Грузинского дворянского банка находилось общество по распространению грамоты. В 1879 году зал этого здания был переделан в театр по проекту архитектора А. Фон-Скоина. В нем был открыт первый частный театр.

(Забегая вперед, отметим, что по некоторой информации, в 1905-1908 году «Банковский театр» был основательно реконструирован по проекту архитектора Христофора Тер-Саркисова (Сатунца). Фасад здания был богато декорирован. Среди прочего, имелись грифоны, скульптуры, гербы. Однако в 1914 году его постигла участь театра Тамамшева – он сгорел. Постройку восстановили, но многое было утеряно.

В 1935 году Тбилисский государственный русский театр, соз-

Банковский театр

данный в 1932 году и два сезона проработавший в помещении на улице Бесики, наконец обрел свой дом – в бывшем «Банковском театре»).

Газета «Тифлисский рабочий» рассказывает о том, как ТГРТ готовится к новому театральному сезону: «Тифлисский государственный русский театр полностью реорганизовал художественно-постановочную часть. Труппа обновлена и укомплектована высококвалифицированными актерами. Создано постоянное художественное руководство, в то время как в прошлом году отдельные постановки поручались приезжим режиссерам. В текущем году театр получает собственное помещение по улице Коминтерна №5 (то есть, помещение «Банковского театра». – И.Б.). Помещение заново оборудуется. При этом учитываются требования передовой театральной техники и культурного обслуживания зрителя. В этом году театр покажет из классиков мировой драматургии трагедию Шиллера «Заговор Фиеско». В спектакле будут заняты почти все ведущие актеры обновленной и усиленной труппы. Далее из классического репертуара намечены «Свадьба Фигаро» Бомарше, «Маскарад» Лермонтова и «Лес» Островского. Из пьес советских драматургов театр включил в свой репертуар «Чудесный сплав» Киришона, «Петр I» Толстого, «Скутаревский» Леонова, «Как ее зовут» Адуева, «Дорога цветов» Катаева и

«Гибель эскадры» Корнейчука. Труппа ТГРТ будет состоять из 55 человек. Главным режиссером приглашен А.Г. Ридаль, режиссером-постановщиком – М.М. Ляшенко. Художники-постановщики – В.В. Иванов, В.В. Роберт. Для музыкального оформления спектаклей привлекаются композиторы Шведов и Гокиели. В ТГРТ приняты меры к созданию своих кадров: начались занятия на первом курсе студии театра, где обучаются 30 человек. Заведующим учебной частью театра и руководителем студии приглашен Радолин.

Несмотря на большое внимание и поддержку, оказанные театру директивными организациями Грузии и ЗСФСР, в частности Наркомпросом Грузии, из-за отсутствия стройматериала театр несколько запаздывает с реконструкцией нового помещения. Поэтому сезон откроется в театре на улице Бесики, №4, где театр работал в прошлом году».

Архитекторам Н. М. Непринцеву и М.В. Попову, художникам В. Иванову и В. Роберту, строителям пришлось немало потрудиться над реконструкцией здания бывшего «Банковского» театра, сгоревшего в 1914 году и кое-как восстановленного. Время было военное, и строители особенно не старались; в результате зрительный зал стал куцым и узким; ярусы, оркестры – все исчезло; высота уменьшилась. Подсобные помещения, заваленные обломками пожара, были забыты; другая часть их посте-

Зрительный зал Банковского театра

пенно отошла к различным организациям, ничего общего с театром не имеющими. Центральное отопление замерзло и вышло из строя; в помещении надолго появились безобразные черные так называемые «унтермарковские» печи. Когда-то прекрасный театр превратился в запущенный ряд уродливых помещений. На базе имеющихся возможностей предстояло выстроить культурный, отвечающий всем современным требованиям постановочной техники театр.

В процессе проектирования выяснилось, что увеличить зрительный зал за счет и без того урезанной после пожара сцены совершенно невозможно. Вопрос о строительстве третьего яруса упирался в необходимость удлинить зал, а удлинять его было некуда. При коротком же зале с третьего яруса не было бы видно сцену. Поэтому пришлось ограничиться одним балконом, с амфитеатром и боковыми ложами. Сцена была углублена уже впоследствии, когда удалось получить разрешение на снос клубного павильона, примыкавшего к сцене со стороны сада имени Ворошилова. Это обстоятельство позволило устроить также оркестр и две литерные ложи, которые по первоначальному проекту не предусматривались.

Сооружение амфитеатра, бенуарных, бельэтажных и литерных лож дало возможность довести число мест с 350 до 650. Различными комбинациями объемов и площадей внутри здания удалось выкроить значительное число подсобных помещений, без которых сложное хозяйство театра не может работать. И вот из замусоренных подвалов, за-

пыленных и заброшенных чердаков, из запутанных и многократно перегороженных коридорчиков и проходов появились удобные и рационально расположенные актерские уборные, душевые, умывальные, электрическая часть, буфет.

«Условия сценической техники потребовали поднять существовавшие колосники на целых четыре метра. Для этого нужно было всю крышу приподнять вместе с ними и, держа ее на весу, выложить новые ряды кирпичей для того, чтобы стена выросла на такую же высоту. Эта сложная задача была осуществлена самым оригинальным способом, так что не пришлось разбирать крышу, и вся операция была выполнена всего за два дня. Вся сложная система парового отопления была, звено за звеном, проверена, реконструирована, дополнена новыми звеньями и пущена своевременно. Сцена была оборудована большим вращающимся кругом, состоящим из двух концентрических частей: внутреннего диска и внешнего кольца. При вращении обеих частей в одну сторону получается большой цельный круг; вращение же их порознь и в разные стороны дает постановщику большие композиционные возможности [...] Задача архитектурного оформления театра представлялась весьма головоломной ввиду того, что приходилось иметь дело с остатками отделки в стиле махрового модерна начала XX столетия. Общая наша установка заключалась в том, чтобы придать помещению колорит грибоедовской эпохи, строгость и лаконичность стиля вместе с некоторой камерностью, свойственной небольшо-

му театру. Наибольшие возможности в этом направлении давал зрительный зал, в котором хотелось сочетать удобства зрителя, вместительность и уютность. Идя в этом направлении, мы устроили скрытый свет; широко развитый диск люстры мы подтянули близко к плафону. Люстра должна быть очень эффектной и выразительной своим темным силуэтом на ярко освещенном потолке. Для связи этого силуэта со строгой и лаконичной отделкой зала, как развлекающие пятна, между пилястрами ионического ордера даны черные фризы с желтыми силуэтами персонажей «Горя от ума» (М. Попов, Н. Непринцев. Как строился новый театр. Бюллетень Государственного театра им. Грибоедова, 12 декабря 1935).

СНОВА КАТАСТРОФА. ДОМ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

1965 год оказался для театра имени А. С. Грибоедова весьма драматичным: старинное и столь любимое тбилисцами здание, в котором театр работал на протяжении многих лет, разрушилось. Невольно вспомнилось историческое прошлое русского театра... К счастью, в результате разрушения никто не пострадал.

Катастрофа не снизила творческую активность театра: грибоедовцы стали работать в Доме железнодорожников. Правда, не сразу, а после реконструкции помещения. Вот как пишет об этом пресса: «На сегодня все билеты проданы» — такое объявление висит у кассы Дома железнодорожника, где в специально реконструированном зрительном зале начал новый сезон Тбилисский государственный русский драматический театр имени А.С. Грибоедова. Объявление является показателем того интереса и нетерпения, с которым тбилисский зритель ждал встреч с полюбившимся театральным коллективом. Билеты на спектакли грибоедовцев распроданы по 3 марта. Первый спектакль, состоявшийся 24 февраля 1968 года, был данью благодарности коллектива строителям театра, всем тем организациям, которые приняли участие в реконструкции театрального помещения».

На открытии выступил министр культуры Грузии Отар Так-

такишвили, сказавший, «что в те нелегкие дни, когда театр не имел постоянного помещения, грибоедовцы проявили себя как дружный, сплоченный коллектив, который встретил начало работы в новом помещении в хорошей творческой форме».

За полтора года грибоедовцы, оторванные от постоянной базы, выпустили шесть спектаклей: «Серая шляпа», «Ночная повесть», «Инкогнито», «Варшавская мелодия», «Бой с тенью», «Твой дядя Миша», работали над двумя новыми постановками: «Странная миссис Сэвидж» и «Трамвай «Желание». Побывали с гастроллями в Сочи, Новороссийске, Туапсе, городах Западной Грузии и Армении.

НОВОЕ ЗДАНИЕ: ЭЛЕГАНТНО И СКРОМНО

На открытие сезона в новом театральном помещении были приглашены автор проекта, архитектор С. Мегрелишвили, начальник отдела капитального строительства А. Анджапаридзе и многие другие – все, кто был причастен к этому событию. Гостям был показан спектакль Серго Челидзе «Твой дядя Миша» Г. Мдивани.

Итак, в мае 1977 года грибоедовцы отметили новоселье. Их десятилетнее ожидание – именно столько лет понадобилось, чтобы построить новое здание на месте старого, – было наконец вознаграждено. Авторами проекта были архитекторы института «Тбилгорпроект» Д. Морбедадзе и Л. Медзмаришвили. Автор репортажа об открытии нового здания театра пишет: «Элегантно и скромно, без лишних эффектов, выглядит фойе и вестибюль. Стены и пол покрыты коврами, которые в сочетании с белым уральским мрамором, гранитом и экларским камнем создают уют. Оригинален подвесной потолок в виде пчелиных сот в фойе театра. Алюминиевые конструкции потолка были изготовлены на Тбилиском авиационном заводе имени Димитрова. Лепные и керамические украшения, изготовленные Тбилиским керамическим комбинатом и комбинатом строительных материалов Министерства стройматериалов Грузинской ССР, отлично вписались в интерьер здания.

Зрительный зал рассчитан на 820 мест. Украшают его василькового цвета кресла венгерской фирмы «Артекс». Грибоедовцы считают синий цвет традиционным для своего театра, и архитекторы учли эту деталь в проекте. Все кресла радиофицированы. По ходу спектакля текст может быть переведен на два языка... Что касается сценической части, то здесь установлена современная театральная техника. Это и сцена с вращающимся кругом и кольцом, и механизированное штатетное хозяйство, и подвижные фуры».

Директор театра Отар Папаташвили отмечал, что в театре созданы замечательные условия для работы: к примеру, семнадцать хорошо оборудованных гримборных, что позволит даже в тех спектаклях, в которых занята вся труппа, размещать в каждой не более двух-трех человек. Значительно возросла численность технического персонала – этого потребовало новое сценическое оборудование, расширение технических цехов и увеличение мест в зале. Важным приобретением стал и репетиционный зал с малой сценой.

«Новое здание театра гармонично вписывается в архитектурный ансамбль торгового центра и станции метрополитена. Яркие, разноцветные витражи на фронтоне здания, выполненные художником Джибсоном Хундадзе и изготовленные рижскими мастерами, удачно оживили весь комплекс, создав единую гармонию». Совсем иначе оценил этот

«комплекс» худрук грибоедовцев Александр Товстоногов: «Мне бы хотелось отметить несколько странное, на мой взгляд, сочетание самого здания театра с универмагом. Это, конечно, несомненный просчет архитекторов. И еще – наверное, не ошибусь во мнении, что панно-витраж художника Д. Хундадзе должно было по тематике быть ближе к функциям и назначению самого здания». Тем не менее главный режиссер был, разумеется, рад новому зданию, ведь до сих пор театру приходилось работать в трудных условиях, что легко могло привести к снижению критериев. Он выражал надежду на то, что новое великолепное здание вселит в членов коллектива много новых сил, энтузиазма, поможет успешно выполнять главную миссию – языком искусства выражать биение пульса сегодняшнего дня.

КАПИТАЛЬНЫЙ РЕМОНТ

В 2005 году в связи со 160-летним юбилеем в здании театра имени А.С. Грибоедова был осуществлен капитальный ремонт, коснувшийся и залов, и служебных помещений, и цехов. Были надстроены два этажа. Произошла реконструкция залов, при которой были заменены кресла, обновлена механизация сцены. Капитальная реконструкция малого зала позволила открыть вторую сценическую площадку. Сегодня это основная сцена театра, на которой играется практически весь его репертуар.

СКЕЛЕТ В РЕДАКЦИОННОМ ШКАФУ

■ **Кора ЦЕРЕТЕЛИ**

Моя журналистская деятельность начиналась в газете с одиозным для современного уха названием «Молодой Сталинец». (С 1961 года – «Молодежь Грузии».) Последнюю ее страничку занимал спорт – страсть и призвание нашего редактора Миши Какабадзе. Он с упоением колдовал над ней вместе с литсотрудником, мастером спорта по шахматам Сашей Буслаевым (в журналистском обиходе – Бусликом).

Домашние нашего редактора и мы, коллеги-журналисты, звали его Куца (лапочка). И только на русском обращались к нему официально – Михаил Васильевич. В Грузии ласкательные детские имена, прозвища и ники прилипают к людям на всю жизнь. Представьте только, что Куца (лапочка), Бичи (мальчик), Намцеца (крошка) и Тагуна (мышонок) – это убежденные сединой люди. К ним как к старшим у нас положено почтительно обращаться с приставкой «батону» (господин). И получается – господин Мальчик,

госпожа Крошка, господин Мышонок. И никто не смеется. Да и какому грузину такое придет в голову? То, что принято испокон веков, звучит привычно для уха и переоценке не подлежит.

В грузинском обиходе сухое и официальное «товарищ» (амханаго) так и не привилось. Оно принято было только в партийных документах и на всякого рода собраниях, где честили нерадивых сотрудников за ляпы или давали по рукам за вольности, недопустимые по цензурным или моральным соображениям. Поэтому слово это приобрело неприятный привкус официоза и отстраненности. Большевикам так и не удалось совершить полной замены «батону» – привычной для каждого грузина формулы вежливости – пролетарским обращением «товарищ». Зато уменьшительно-ласкательные имена в Грузии нередко становятся литературными и театральными псевдонимами, например Верико (Верочка) Анджапаридзе, Софико (Софочка) Чиаурели...

Впрочем, наш Михаил Васильевич – Куца был и в самом деле лапочкой. Добрый, деликатный, негромкий, с большими бархатными глазами на смуглом лице... Жгучий, усатый восточный красавец.

Куца прошел фронт, как говорится, от звонка до звонка, был тяжело ранен и контужен, долго пролежал в госпитале, но никогда о войне не рассказывал, будто ее и не было вовсе. Говорить о себе не любил и не умел.

Вообще, наши ребята-журналисты, прошедшие войну – Куца, Зураб Ахвледиани, Костя Крымский, Вова Харазов, Миша Лохвицкий, Сема Свердлин, о своем боевом прошлом вспоминали неохотно и не публиковали собственных военных дневников и воспоминаний. В их представлении это было бы жлобством, выпендрежем. А может все это было тогда еще слишком близко и слишком больно? Они-то хорошо знали, какой ценой далась нам победа. Мы же старались их не расспрашивать – не беречь раны. Срабатывал какой-то бессознательный инстинкт деликатности.

Вспоминается еще нечто похожее. В школе, например, мы избегали разговоров и расспросов об отцах. Уже потом, спустя годы, я подсчитала, что у сорока учеников нашего класса было всего восемь живых пап! И только тогда осознала причину этой тотальной безотцовщины: 1937 год катком прошелся по судьбам моих одноклассников.

Через пару месяцев после начала штатной работы в «Молодом Сталинце», еще совмещавшейся мною с учебой в институте, я была посвящена в главную редакционную тайну: незадолго до войны, в 1939 году, коллектив газеты в полном составе был репрессирован. Просто исчез... Утром не вышел на работу. Редактор, журналисты, корректоры и даже курьер – все без исключения!

Случилась лишь одна «промашка» – осталась на свободе машинистка Елена Владимировна Прохорова. То ли адреса постоянного не имела, то ли заночевала у кого-то. (Она здорово прикладывалась к бутылке и даже на работу носила с собой «флакон».) О ней забыли и

Кора Церетели. 1965.
Фото К. Крымского

почему-то не стали потом разыскивать.

Через несколько лет, ближе к концу войны, Прохорова вернулась в газету, где и продолжала работать до конца своих дней. Машинистка она была неоценимая. С закрытыми глазами набирала любой газетный текст, часто в нетерпении опережая диктующего.

Ей нужно было только знать, о чем пойдет речь – о повышении урожая, надоях молока в колхозе или об увеличении производительности труда на заводе. Дальше ее пальцы проворно и привычно отбивали на клавиатуре знакомый до боли очередной совковый стереотип. При этом она смотрела не на машинку, а куда-то в сторону, и ее покрытое мелкими морщинами и ярко-рыжими веснушками лицо выражало крайнее отвращение.

Елена Владимировна прославилась в нашей журналистской среде тем, что как-то нашлепала на своем стареньком «ремингтоне» передовицу вместо приподнившегося после ночного застолья редактора Лебанидзе. И представьте, передовица так и пошла в номер, а история эта стала редакционной легендой.

Машинистке Прохоровой

суждено было восстановить прерванную связь времен и стать живой легендой нашей газеты. Она была хранительницей редакционных тайн, романов, происшествий и распрей в среде нескольких поколений «молодежки». Как-то, прихлебывая для храбрости из своего «флакона» и покрываясь красными пятнами, она под большим секретом поведала мне о том, что же на самом деле было в том злополучном номере «Молодого Сталинца» за 1939 год. Первую страничку газеты как обычно занимал портрет вождя, а на обратной ее стороне, в рубрике «Их нравы», поместили карикатуру Кукрыниксов. И посмотрев страницу на просвет, можно было увидеть... нечто ужасное.

Тут рассказ Прохоровой обрывался. Озираясь на распахнутые в коридор двери машбюро, она просила диктовать текст и не отвлекать ее по глупостям.

И все-таки однажды, будучи в подпитии, она решилась до конца открыть мне тайну сей великой «крамолы». Оказалось, сквозь портрет вождя с обратной странички листа просвечивал... огромный кукиш. Неважно, что он предназначался какому-то заокеанскому деятелю, нужно было всего-то посмотреть лист на просвет да как следует взглядеться... Те, для кого это было особенно важно, не дремали – взгляделись. И тут же приняли меры...

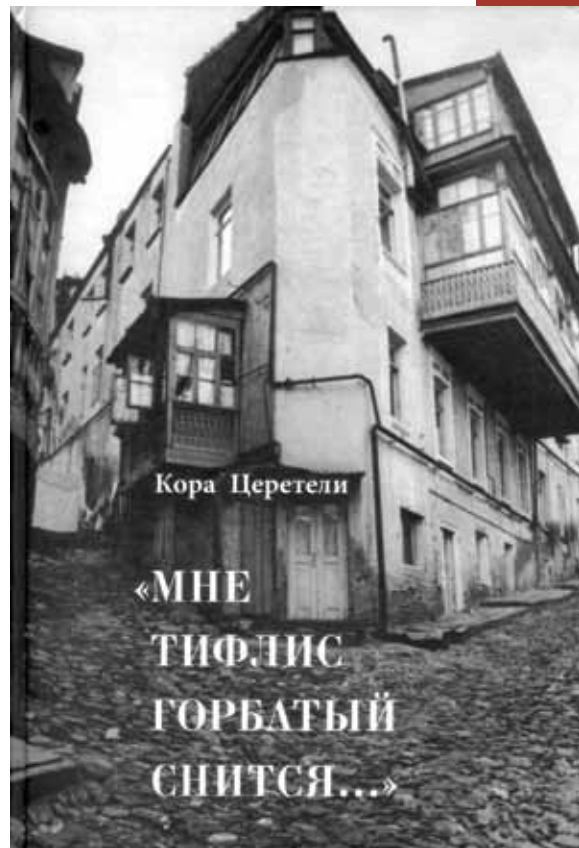
Работая в газетах – в «Молодом Сталинце», а позже в «Заре Востока», я еще застала годы «тотальной бессонницы». Известно, что Сталин был «совой» – любил работать по ночам. Соответственно, не спали ночью партийные бонзы в Москве и в республиках. А в редакциях газет не спали дежурные по номеру и «свежие головы», считывавшие уже ближе к утру готовые газетные полосы. Часто забегали ночью и заведующие отделами. Просто так... На всякий случай – еще раз поглядеть на отправленные в печать материалы и выказать свое радение.

В неуклюжем, в стиле совкового конструктивизма здании «Зари Востока» на проспекте Руставели, где располагалось несколько редакций газет и журналов, бурлила ночная

жизнь. В ожидании сигнального номера бодрствующие сотрудники «Молодого Сталинца», «Зари Востока», журнала «Нинанги», агентства печати ГРУЗТАГ и армянской газеты «Советгакан Врастан» вели долгие беседы и горячие – до хрипоты – споры, сражались в шахматы, делились принесенной из дому едой. Короче, все мы жили тогда одной веселой и многонациональной ночной коммуной.

Наш «Молодой Сталинец», как впоследствии выяснилось, оказался кузницей кадров для центральной, союзной прессы. Темо Степанов, Гарун Акопов, Игорь Голембиовский... Имена этих журналистов с наступлением перестройки стали известны читателям всей страны.

Хорошо помню, как ко мне в отдел «Учащейся молодежи» пришел на стажировку молодой человек – спортсмен и красавец Игорь Голембиовский, чем-то неуловимым напоминая мне молодого Маяковского, но не по-маяковски громогласный, а напротив – скромный и стеснительный. Была какая-то непривычная для нас европейская аристократичность в его осанке, манере держаться, общаться,

Игорь Голембиовский в Тбилиси

вроде как диссонирующая с нашей цеховой расхристанностью, но, как ни странно, эта его деликатность не отчуждала, а наоборот притягивала к нему, вызывала интерес и уважение. Игорь был «нашим» человеком – не по крови, а по характеру и по воспитанию, настоящим тбилисцем: открытый дом, открытое сердце и душа нараспашку. В редакции он очень быстро оброс друзьями. Как потом оказалось, на всю жизнь. И в 90-е, уже будучи главным редактором легендарных «Известий», не прерывал постоянного с нами общения. Тбилисские друзья Арчил Джапаридзе, Темо Степанов, Датка Кобахидзе были его верным тылом, отдохновением в его нечеловеческом, напряженном труде.

Газета «Известия» под руководством Игоря и во многом благодаря его воле, решимости, смелости и таланту стала тогда маяком истинного либерализма. (Замечу в скобках, что современным отечественным либералам до него, как до Луны.)

На первом этаже здания «Зари Востока» рядом с лестницей, у лифта, за стеклянной заго-

родкой располагался мужской парикмахер Жора Хачатуров – персонаж весьма примечательный и важный в нашей непростой, в чем-то подневольной журналистской жизни: крутись, вертись, выполняй свой план – листаж и строкаж (количество необходимых для недельной сдачи страниц и строк), зарабатывай копейки на жизнь и при этом не зевай – не забывай следить за переменами конъюнктуры, угадывай настроение и капризы шефа. Короче, держи нос по ветру. И тут-то парикмахер Жора был не то что полезен, а просто незаменим, как Фигаро при дворе графа Альмавивы. Дело в том, что его парикмахерская, пожалуй, была единственной ячейкой демократии в нашем многоязычном и социально разнородном журналистском ковчеге, где всегда жестко соблюдалась субординация начальник-подчиненный.

Главные редакторы «Зари Востока» и ГРУЗТАГа восседали в роскошных кабинетах, под бдительной охраной секретарей. А с двух до трех часов в приемной – редакционном «предбаннике» – все ходило на цыпочках и говорили шепотом, чтобы не потревожить заслуженный отдых начальства и не помешать его трапезе. В это время в кабинет был вхож: только официант с блюдом, накрытым белой накрахмаленной салфеткой, и с подобострастной улыбкой на лице. В то же время рядовые литсотрудники маялись в очередях в окрестных забегаловках и не имели даже стола в общей редакционной комнате.

В тесной каморке-парикмахерской у Жоры с утра брились и стриглись шефы всех расположенных в здании редакций и издательств – вальяжные, убежденные в своем превосходстве и неотразимости редакторы, суетливые ответственные секретари и мрачные, постоянно озабоченные парторги газет. И сюда же приходили постричься и поболтать о свежих новостях и сплетнях рядовые журналисты – литсотрудники, фотокоры, да и всяческие мелкие сошки – внештатники. У Жоры, харизматичного, общительного, располагавшего к доверитель-

ным откровениям и праздной болтовне, всегда были самые горячие, самые достоверные и очень важные сведения. Например, о том, с какой ноги встал сегодня шеф, стоит ли показываться ему на глаза, явиться ли к нему на незапланированную аудиенцию или сачкануть – взять больничный и переждать. И, конечно, какие у кого сегодня посетители... Глаз у Жоры был зоркий – пройти мимо него незамеченным на лестницу или к лифту было практически невозможно. Да никто и не пытался нарушить заведенный ритуал – задержаться на пару минут и перекинуться несколькими фразами с Жорой, прежде чем нажать на кнопку лифта.

– Ну как там хозяин? – заглядывали к нему, дыша перегаром, бухавшие ночью литсотрудники «Зари Востока». – Как он сегодня?

– Ха-а-рош... ха-а-рош... Улибается. Иды, иды, нэ бойса! – подбадривал Жора опоздавшего на утреннюю планерку журналиста. Или подняв вверх большой палец и воздев к потолку свои крупные маслянистые глаза, многозначительно изрекал:

– Нэ ходы... У ниво сигодни били хара-хура луди. – Хазаин злой, как сабак!

Редактор «Зари Востока» Ираклий Чиквишвили был лют и беспощаден к своим сотрудникам. Типичный совковый диктатор. Такой маленький Сталин.

А еще, что немаловажно, у щедрого и благодушного Жоры всегда можно было стрельнуть пару сигарет или червонец на закусон и стопку в забегаловке «У Саида» за углом.

В начале 70-х, когда я уже работала в «Заре Востока», а потом собственным корреспондентом «Советской культуры» (все в том же здании-ковчеге), Жора стал зятем Сергея Параджанова, мужем его младшей сестры Ани, что вызвало в городе немало пересудов. Семья Параджановых считала брак дочери с брадобреем недопустимым мезальянсом. Но Аня не устояла перед «парикмахерской красотой» Жоры (тонкие, «чувственные» усы, набриллиненные иссиня-черные, как воронье крыло, волосы, бледное

лицо и крупные постоянно влажные губы). И... сбежала с ним.

Позже Жора был прощен. Поселившись в знаменитом доме на улице Котэ Месхи, 7, он был поневоле вовлечен в «параджановский маскарад». Стал его участником, а то и героем. Но это уже отдельная история.

А на площадке у лифта последнего, пятого, этажа «Зари Востока» была еще одна наша важная достопримечательность – огромная кадка с высоким разлапистым растением неизвестной природы (его почему-то называли пальмой). Сюда, на верхотуру, редко когда заглядывал кто-нибудь из руководства. Кабинеты редакторов «Молодого Сталинца» и «Зари Востока» располагались на нижних этажах.

Под нашей «пальмой» происходили личностные и межредакционные разборки, обсуждались сокровенные, не предназначенные для чужих ушей дела, назначались свидания, шептались и целовались пугливые влюбленные.

Нередко под сенью «пальмы» собирались и веселые компании. Нодар Думбадзе и Гигла Пирцхалава – сотрудники грузинского «Крокодила» («Нианги»), известные грузинские острословы, травили анекдоты, которые уже наутро разлетались по всему городу. Цензор Главлита Циала Амашукели низким грудным голосом пела под гитару цыганские и русские романсы.

Под утро, часам к шести, когда редактор подписывал сигнальный номер, мы начинали наконец расходиться по домам. Но и тогда, на рассвете, в редакции непременно должен был оставаться ответственный дежурный – а вдруг там, «наверху», кому-то захочется позвонить и проверить, что здесь происходит, и он (о ужас!) никого не застанет на рабочем месте!

Как-то раз вместо своей приболевшей супруги, секретарши редактора Лизочки Есяян, дежурить в «Молодом Сталинце» остался ее муж – скромный, неприметный молодой человек по фамилии Бушкин.

Он мирно спал на хорошо обжитом, продавленном и по-

тертом редакторском диване, как вдруг его разбудил телефонный звонок. Сердитый начальственный голос, не здороваясь, спросил:

– Кто это? Кто?

– Бушкин, – пробурчал заспанный дежурный.

– Кто-кто? – переспросили «наверху».

– Да Бушкин я! Бушкин! А сами-то вы кто?

В ответ пошли короткие гудки.

Через пару минут позвонили снова.

– Не валяйте дурака! – рывкнула трубка. – Вам звонят из ЦК комсомола! Назовите себя!

– Да говорю же вам, Бушкин я, Бушкин! – чуть не плача отвечал уже не на шутку перепуганный дежурный. – Я муж...

Договорить Бушкину не дали. Снова бросили трубку.

Неделю редакцию трясло как в лихорадке. Партийное собрание. Профсобрание... Отдельно заседало бюро парторганизации. Все наперебой

седних газет «Заря Востока» и «Нианги» с повесткой дня «Обдительности ночных дежурных». Никому и в голову не приходило по достоинству оценить комизм ситуации. Вслух, конечно же... А так... только осторожно хихикали по углам.

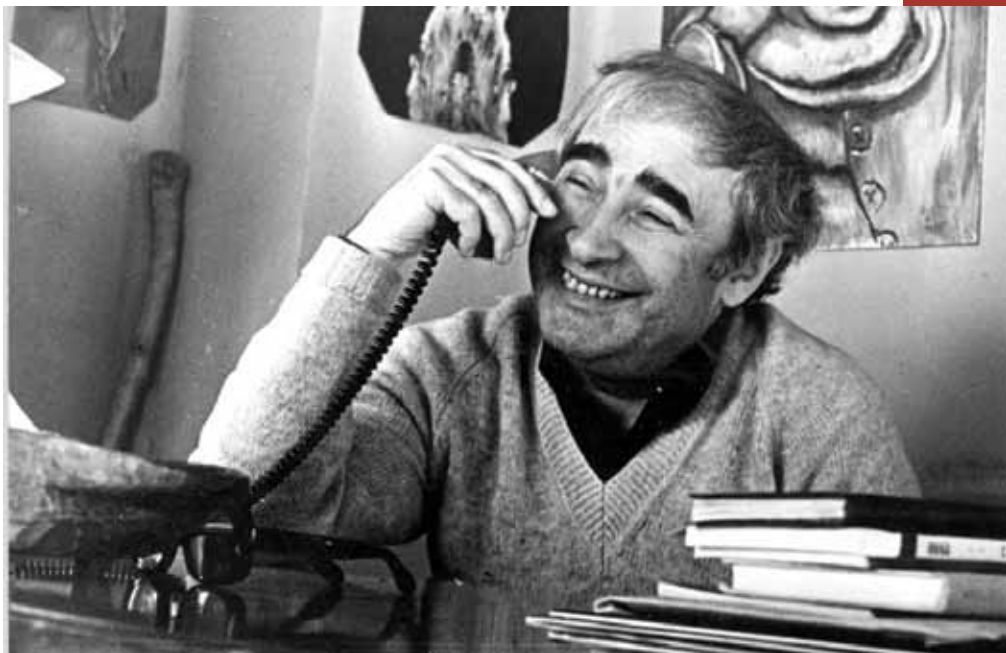
Редактора «Молодого Сталинца» вызвали «наверх», строго отчитали, объявили выговор «с занесением», потребовали отстранить от работы бедную Лизочку Есяян.

С секретаршей пришлось расстаться, и, слава тебе господи, отделалась она легко. На дворе стоял 1952 год.

Омерзительный, властный и вездесущий автоцензор крепко хватал нас за руку, как только мы пытались писать свободно, без оглядки на официоз или прилюдно осмеливались вести себя раскованно. Поэтому запретные темы обсуждались шепотом и только с доверенными лицами.

Сейчас это трудно себе представить, но я как-то полу-

Нодар Думбадзе. 1970-е

клеймили несчастных супругов Есяян-Бушкиных.

– В редакции на ответственном посту ночного дежурного чей-то муж! Да еще и ерничает: «Я Пушкин!» – не унимались в ЦК.

На всякий случай, для острастки, провели открытые партсобрания и в редакциях со-

чила строгий выговор за то, что... смеялась на работе. В протоколе открытого партийного собрания сотрудников газеты «Молодой Сталинец» так и было записано: «Указать литсотруднику Коре Церетели на недостойное поведение на работе – много смеется». Особенно меня костила старая дева – за-

На улицах Тбилиси. 1970-е

меститель редактора Тамара Амбарова, чей недобрый, осуждающий взгляд исподлобья постоянно меня преследовал. Надо было соответствовать образу молодого коммуниста. А я, надо признаться, никак не соответствовала, чем вызывала раздражение редакционных дам и нескрываемый восторг и поклонение мужской половины нашего густонаселенного здания.

На меня часто нападали «смехунчик», причем, как назло, в самое неподходящее время. Например, на скучных, многочасовых редакционных собраниях я могла вдруг громко рассмеяться. Или – на улице... ни с того ни с сего меня распирало от смеха. Теперь-то я понимаю: молодой организм просто радовался жизни. Вот бы сейчас так похотеть от души! А тогда, под гневными и осуждающими взглядами старших коллег, я задыхалась от неотступных приступов смеха... И еще я... краснела. И тут тоже ничего не могла с собой поделать. Сколько раз мне приходилось пулей вылетать из кабинета редактора или на улице стремглав нырять в калю-нибудь подворотню просто потому, что вдруг я до самых ушей заливалась румянцем от одной только мысли «вот-вот... сейчас, сейчас... покраснею». Нет, никак я не соответствовала

образу молодого коммуниста.

В начале 50-х в воздухе все еще витал Страх. Он был почти осязаемым. Особенно трудно было освободиться от него детям «врагов народа», моим друзьям и коллегам – Арчилу Джапаридзе, Тамазу Буачидзе, Зурабу Ахвледиани... Цепкая память их детства хранила кошмарные воспоминания.

Тамаз Буачидзе – блестящий философ, эрудит. Мать успела спрятать его, шестилетнего мальчика, в стенной печи, когда в двери уже ломались чекисты. Мальчик все слышал из своего укрытия. И отчаянный крик матери, пытавшейся отстоять старшего сына, и топот солдатских сапог, и глухие удары прикладов, которыми избивали родных...

Чекисты увели не только родителей Тамаза, но и его 14-летнего брата. Никто из них не вернулся. Разумеется, я узнала обо всем этом только спустя годы нашей совместной работы в «Молодом Сталинце».

А до того поведение Тамаза казалось мне потешным – он неожиданно вздрагивал, нервно вскидывался на громкий голос или на стук. Сутулый, словно нахохлившийся, сидел за столом в длинном черном пальто с чужого плеча – всегда внакидку. Больше молчал, старался дер-

жаться в тени, никогда никому не возражал и не вступал в споры, хотя был весьма образован, талантлив и обо всем имел свое мнение... все понимал. И лицом – ну, просто красавец!

Как же мне было потом стыдно, что я позволяла себе посмеиваться над ним!

И все-таки были люди, которые не боялись или изо всех сил старались не бояться и научить этому других. Первым таким человеком для меня стал мой редактор, наш Куца – Миша Какабадзе.

Не то чтобы он был диссидентом, лез на рожон или занимался разоблачительством. По тем временам, на мой взгляд, это было бы более чем глупо. Только подставляя себя и других. Он просто использовал свое невероятное обаяние и блистательное остроумие (а эти качества всегда ценились на всех уровнях тбилисской элиты, в том числе и партийной) ради того, чтобы достойно делать свое дело. С плохо скрываемым презрением он относился к идеологической лабуде, которая в то время, как правило, занимала три четверти любой газетной площади, называя это «обязаловкой».

– Ну как у нас сегодня с обязателькой? – спрашивал он, прибегая утром в редакцию, и наш ответственный секретарь Юня Поляков, щуплый и всегда заспанный маленький еврей, с застывшим выражением испуга на лице семенял за ним в редакторский кабинет с охапкой пахучих гранок офиса.

Куца старался по возможности избегать авторских материалов по разделу «Коммунистическое воспитание молодежи», прикрываясь готовыми текстами Телеграфного агентства (ГРУЗТАГ). Тут все было апробировано, читано и перечитано цензурой – комар носа не подточит! Для этого ему приходилось постоянно держаться в узде заведующего отделом и секретаря парторганизации – «рысак», постоянно рвущегося в бой за коммунистические идеалы. Вплоть до самых крайних мер.

Куца проделывал это мягко, даже как-то ласково и виртуозно, подгадывая настроение мнительного и постоянно оза-

боченного нашим поведением и состоянием общества парткома, упреждая таким образом возможные склоки и неприятности.

Вообще-то Куца был великим мастером разряжать, разруливать обстановку. А ведь играл с огнем. Разве только вислоухий «лопух» в редакции не знал, кто «стучит» на нас и с какими «посетителями» запирается подчас парткомом.

И надо же, чтобы мой самый первый «ляп» случился именно на официозе! И притом – ровно через месяц после зачисления в штат.

При перепечатке знаменитого ленинского постулата, по которому «коммунистом может стать только тот, кто обогатит свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество...», в заметке ГРУЗТАГа случилась ошибка. Великое ленинское прозрение было приписано Сталину.

Мало того, что ошибка прошла по моему отделу. В тот день в подготовке номера я была еще и «свежей головой», что усугубляло и удваивало мою «страшную вину» перед вождем мирового пролетариата.

Наутро по дороге к кабинету редактора «добрые люди» успели до смерти напугать меня рассказами о всех предыдущих расправах с нерадивыми журналистами.

Я шла к редактору вся в слезах – выгонят с работы и дадут «черную метку» – выговор с занесением в личное дело. Но всего хуже, что я подставила Куцу, который поверил в меня и взял в штат со студенческой скамьи.

Остановилась в дверях, услышав как Куца раздраженно попросил парторга выйти из кабинета и оставить нас с ним вдвоем. «Партком» – раскрасневшийся, разгоряченный (разговор в кабинете, судя по всему, был крутой) – успел прошипеть в мой адрес: «Теперь вот из-за тебя...».

Втянув голову в плечи, я ожидала продолжения экзекуции. Но редактор закрыл двери кабинета и, обняв меня, ревушую, за плечи, стал успокаивать:

– Не реви... Отобьемся... Ладно еще ты слова Ленина

приписала Сталину, а не наоборот. Тогда бы мы точно погорели. – И, лукаво усмехнувшись, добавил: – А впрочем, один черт – что Ленин, что Сталин. Один черт!

Я прямо обомлела от этих слов... А Куца, улыбаясь, продолжал успокаивать меня:

– Считай, что нам повезло. Тамаза Джанелидзе, моего друга детства, недавно назначили первым секретарем ЦК комсомола. Он не экзекутор. Он человек... Завтра мы с тобой выходим «на ковер». Только ты не отвечай ни на какие обидные реплики и не реви, – напутствовал меня Куца. – Ты не знаешь, как с ними говорить. Отвечать буду я.

Далее все припоминается смутно... Длинный стол, покрытый зеленым сукном. Множество незнакомых людей, разглядывающих меня, еще совсем девчонку, с откровенным любопытством и высокомерием.

Мы стояли перед ними как провинившиеся школьники. А они, вальяжно подымаясь с места, выступали, соревнуясь в демагогии, стараясь превзойти друг друга в цитировании коммунистических постулатов и рвении в защите ценностей коммунизма.

Не помню слов. Запомнила интонации – гневные, нравоучительные, а также спокойный глухой голос Куцы, который создавал паузы в этом возбужденном словоблудии и как бы тушил разгоравшиеся страсти. Он даже умудрился удачно пошутить, и сердитая аудитория не смогла удержаться от смеха.

Короче, редактору и парторгу инкриминировали провал в идеологической работе, результатом чего стало недопустимое невежество в цитировании коммунистических вождей. Я молчала, как мне было велено. Куца взял удар на себя.

Меня попросили выйти (самые обидные слова следовало сказать редактору в отсутствие подчиненного), и я как во сне спустилась по лестнице знаменитого бериевского особняка, где располагался высший орган комсомола Грузии, вышла на улицу и села в редакторскую машину.

Ждать пришлось долго... На-

конец он появился – усталый и посеревший лицом. Открыл дверцу машины и, тяжело опустившись в кресло, выдохнул:

– Ну все... Все... Остаешься на работе. Это – главное. Получили мы с тобой по выговору. С занесением... Да ладно... Бумага все вытерпит... Через год снимут. Ну, смотри больше не подставляй себя по глупостям.

Так в самом начале пути мне посчастливилось встретиться с человеком, который не боялся защитить начинающего журналиста, рискуя собственной карьерой. Боюсь, молодое поколение сегодня не сможет понять сути и пафоса рассказанной мной истории. Но для меня этот эпизод оказался тогда судьбоносным.

Воспитанная в наивной романтической вере в торжество добра и справедливости, как и в неприемлемость лжи, я попала в жестокую редакционную среду. Столь резкая «перемена климата» могла бы иметь самые печальные последствия. Люди потом встречались разные. Пришлось испытать на себе и зависть, и предательство, и клевету, и оговоры. Всякое бывало. И я сама, наверное, далеко не всегда была права и чиста перед людьми. Страдала от своего максимализма и заставляла страдать других.

На проспекте Руставели. 1970-е

Михаил Накабадзе

Прежде чем задубела моя тепличная кожа, прежде чем накопился достаточный жизненный и журналистский опыт, прошло немало времени. Но четыре года работы в «Молодом Сталинце» с Куцей на самом старте моего пути сделали свое доброе дело. Он стал для меня эталоном достойного человеческого поведения, камертоном, по которому я сверяла чистоту своих помыслов и поступков. Старалась, во всяком случае...

Куца не походил на ходячего положительного героя наших газетных статей и советских фильмов. Он не читал мораль подчиненным, не кичился орденами и военным прошлым, не терпел лицемерия и пафоса, презирал и высмеивал льстецов и болтунов. Был земным человеком со своими человеческими слабостями – пристрастием к веселым застольям, выпивке и прекрасному полу.

Шли годы... Мы работали в разных редакциях и в разных учреждениях. И все же жизнь складывалась так, что наши пути постоянно пересекались. Куца стал мужем красавицы

Мананы Кавтарадзе, в которую был влюблен со школьной скамьи и чьей взаимности добивался добрых два десятилетия.

Отец Мананы – ученый, составитель первого русско-грузинского и греко-грузинского словаря Петре Кавтарадзе, близкий друг моего отца по совместной учебе в Первой кутаисской гимназии, а потом и в Петербургском университете, был репрессирован и погиб в ссылке. Мой отец взял на себя заботу об осиротевшей семье друга в наставшие для нее тяжелые времена. А после того как в 1942 году вдову Петре вместе с детьми переселили из просторной квартиры в центре города в наш дом на Советской, в две тесные проходные комнаты без удобств, мы, можно сказать, жили одной семьей.

Несколько лет Куца работал главным редактором сценарного отдела киностудии «Грузия-фильм», а я в это время – в республиканском Комитете по кинематографии и Художественном совете студии.

Потом Куца стал редактором спортивной газеты «Лело». Редактором блистательным. Я думаю, тогда он был по-настоящему счастлив. Он был прирожденным журналистом. Бессонные ночи в редакции, запах типографской краски, постоянный аврал и диктовка оперативного материала прямо на линотип, в утренний номер, калейдоскопическое мелькание лиц и имен – тяжелые и суетные журналистские будни были для него питательной средой, нормой жизни.

Газета работала на редкость оперативно и профессионально. Расхватывалась мгновенно. А потом случилась беда... Не знаю, кому где-то «наверху» он перебежал дорогу и чем именно вызвал раздражение высокого начальства или зависть коллег. Были годы, как принято сейчас говорить, «расцвета застоя». Куцу освободили от работы с особенно обидной для него формулировкой: за проявление национализма в освещении какого-то спортивного события. И это стало первым сильным ударом по его карьере и здоровью (тяжелая контузия постоянно давала о себе знать).

Насколько абсурдно было это обвинение, трудно себе представить. Хотя чему тут удивляться? Я помню, как в начале 70-х годов мне, тогда собору «Советской культуры», высыпали по полной программе за словосочетание «грузинский ученый Иванэ Бериташвили».

– А как надо? – искренне удивилась я.

– У нас все ученые – советские, – был ответ.

Решением республиканского партийного руководства Михаил Васильевич был освобожден от должности редактора «Лело» и направлен на работу главным редактором мультотъединения киностудии «Грузия-фильм». Талантливого, опытного журналиста отправили редактировать рисованные и кукольные фильмы! И это был еще один абсурд, вызвавший шок в журналистской среде. Но такого рода решения тогда не обсуждались («Партия сказала: надо!»).

Куца и на мультипликационной студии сумел создать ауру человеческого тепла и доброжелательности. Коллектив его обожал.

С надеждой и тревогой вслушивался он в нараставший гул приближающегося краха Советской империи. Конечно, мечтал о независимом грузинском государстве. Как и каждый грузин... Но в отличие от многих, очертя голову бросившихся в политические авантюры, мучился сомнениями – готов ли его народ к столь резким, кардинальным переменам? Готова ли Грузия к самостоятельной государственности? Куца любил свою страну, как Илья Чавчавадзе, как истинный интеллигент, трезво и порой беспощадно оценивая свой народ, реально анализируя его место в историческом процессе и в современном мире.

Он ушел из жизни, полный тревог и надежд.

Его смерть была для всех, кто его знал, невосполнимой утратой. Да простит меня Куца за эту банальную фразу. Красивых слов в свой адрес он не выносил. Но точнее тут не скажешь.

Глава из книги Коры Церетели «Мне Тифлис горбатый снится...»

ТБИЛИСИ!

■ **Аркадий АРКАНОВ**

Время... Оно властно состарить человека. Оно покрывает его лицо морщинами. Оно посеребрит его голову. Оно ссутулит его походку. Время властно состарить человека, но оно не в силах состарить город, пока в нем живет человек, родившийся в этом городе. Мы родились в нашем городе вчера. Сегодня в нашем городе родились наши дети, а завтра родятся внуки. И город в их глазах будет таким же молодым, как молод он сегодня в наших глазах, и как молод он был в глазах тех, кто его возводил. Мы разглаживаем сегодня морщины старых кварталов и любуемся молодым красивым лицом нашего древнего города. Наша жизнь – это мост, который соединяет два берега Времени – берег Вчерашний и берег Завтрашний. Мы идем по этому мосту. Журна памяти звучит в наших ушах, и никогда не смолкнут ее звуки. Так давайте жить так, чтобы людям на том далеком Будущем берегу было чем и нас вспомнить... Мы окунаемся в прошлое, читая газеты, которые выходили в нашем городе сто лет назад. Через сто лет люди также будут перелистывать пожелтевшие сегодняшние газеты, в чем-то нам завидуя, в чем-то сочувствуя, чему-то улыбаясь... А вокруг встанут новые дома, восстановят совсем запущенную к тому времени гостиницу «Иверия», изменится мода, наше «Динамо» выиграет межпланетный кубок, будут новые цены... Многое изменится. Даже у детей могут появиться новые имена... И только одно имя останется неизменным – имя нашего родного города, в котором сплетается все: и прошлое, и настоящее, и будущее... Старый Тбилиси... Новый Тбилиси... Вечный Тбилиси!...

Юбилейный вечер в ЦДРИ. 1953

«Я ТАК ЛЮБИЛА ВАС...»

К 120-летию со дня рождения Тамары Церетели

■ **Нина ШАДУРИ**

Князья Церетели не только верой и правдой служили грузинским царям, но и породнились с ними: князь Давид женился на сестре имеретинского царя Александра V, а княжна Кетеван была замужем за царевичем Иоанном Георгиевичем, сыном последнего грузинского царя.

В историю навсегда вошли знаменитые представители рода – поэт Акакий Церетели, романист, переводчик, критик Георгий Церетели, политик, меньшевик Ираклий Церетели (в мае 1917 года на I съезде Советов на заявление Церетели: «В России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть», Ленин ответил: «Есть такая партия!»), основатель классической филологии в Грузии Григорий Церетели... А еще – выдающаяся певица Тамара Семеновна Церетели.

Надо отметить, что в первой половине XX века на эстраде

появилось сразу несколько блистательных исполнительниц романса. Тамара Ишхнели (1896-1994) – заслуженный деятель искусств, Народная артистка Грузии, руководитель знаменитого квартета сестер Ишхнели. Кэто Джапаридзе (1901-1968) – лауреат Первого всесоюзного конкурса артистов эстрады, Народная артистка Грузии. Мери Шилдели (Мичилашвили) (1915-1982) – победительница Республиканского конкурса артистов эстрады, заслуженная артистка Грузии. Все они были замечательны и неповторимы, каждая оставила свой след в вокальном искусстве.

Тамара Церетели не участвовала в конкурсах. У нее не было ни орденов, ни медалей, ни премий. Первое и единственное звание – «заслуженная артистка Грузии» – она получила, когда ей было уже 58 лет. Но именно она стала одной из самых прославленных артисток эстрады. «Москва жила бурной театральной и концертной жизнью. И среди всех популярных имен, любимых публикой, звезд

дой сверкало имя Тамары Церетели», – свидетельствовал Дмитрий Журавлев, Народный артист СССР.

Она появилась на эстраде в 1920-е годы, когда жанр романса практически находился под угрозой. В 1921 году на смену «военному коммунизму» пришла «новая экономическая политика» – нэп. Началось использование рынка и различных форм собственности, привлечение иностранного капитала. Произошли заметные изменения и в музыкальной сфере: в повсеместно открывшиеся рестораны, трактиры и кабаки вернулся цыганский романс и зазвучал во всю мощь. Этот жанр – воистину замечательный – к сожалению, был низведен до кабацкой песни, исполнялся на потребу полупьяной публики, жаждущей зрелища и развлечения. «Изжить цыганщину!», «Провести радикальную чистку псевдоцыганской эстрады!» – вот чего требовали возмущенные музыкальные критики.

Однако специальных концертных залов, предназначенных для артистов эстрады, в то время не было. Оставались кинотеатры, где певцы выступали перед сеансом, и два московских летних театра, «Эрмитаж» и «Аквариум», а на их сцену попасть было ох как непросто – летний сезон короток, а желающих слишком много: туда рвались как местные исполни-

тели, так и многочисленные гастролеры, представители самых разных жанров – певцы, чтецы, иллюзионисты, куплетисты, драматические артисты и даже кинематографисты. «Для всякого эстрадника – праздник, когда ему удастся выступить в клубе, на концерте, в кино, – писал тогда Осип Брик. – Но праздники эти редки, на них не просуществоешь. Кормят будни. А будни – это трактир, пивная, кабак».

В 1923 году Моссовет принимает постановление «О запрещении эстрадных выступлений в помещениях, не имеющих специального театрального характера». И это при том, что в подобных помещениях выступало 80 процентов эстрадных артистов. Появились проекты создания эстрадного театра, центров эстрадной культуры, мастерских репертуара, студий по подготовке и по повышению квалификации эстрадных артистов. Конечно, это было важно. Но все понимали, самая главная задача заключается в том, чтобы изменить отношение к жанру, доказать, что он достоин называться искусством. Такую задачу могли решить исключительно сами артисты эстрады. Неопровержимыми доказательствами могли стать только их талант, высокий профессионализм, самобытность и обаяние.

Это удалось сделать Тамаре Церетели. Она выполнила трудную миссию с достоинством и блеском, спасла запрещенный жанр цыганского романа и практически возродила на эстраде классический русский романс.

Тамара Церетели родилась 14 августа 1900 года (по другим данным – 29 июля; в архиве певицы хранятся письма и открытки с поздравлениями от друзей с днем рождения, и они датированы именно этим числом) в селе Свери Шоропанского района Кутаисской губернии в семье князя Симона Церетели и Фати Схиртладзе. Училась в заведении святой Нино в Кутаиси, (напомню, женское благотворительное общество и учебное заведение святой Нины было учреждено в 1846 году в Тифлисе супругой наместника, князя Воронцова, а в 1847 году открылось Кутаисское отделение

общества и заведения). Тамара пела всегда – на уроках церковного пения, дома, в дружеском кругу. В 1917 году поступила на медицинский факультет Тифлисского университета. Выступала в любительских концертах, и на нее обратили внимание профессиональные музыканты. Вскоре Тамара оставила учебу в университете и поступила в консерваторию. Более того, по личному ходатайству композитора Захария Палиашвили и директора консерватории Николая Черепнина, известного пианиста, дирижера и композитора из Петербурга, Тамаре назначили стипендию.

Будучи студенткой, Тамара встретила с Борисом Прозоровским. Это была судьбоносная встреча.

Разные источники называют разные места рождения будущего композитора, пианиста, аранжировщика и концертмейстера: Воронеж, Санкт-Петербург и Тифлис. По одним данным Борис Прозоровский родился 30 июня 1891 года, по другим – в 1889 году, по третьим – в 1886 году. Он с детства тянулся к музыке, но стал врачом, как и его отец, военный врач, потомок княжеского рода. А где он получил медицинское образование, доподлинно неизвестно – или в Военно-медицинской академии Петербурга, или на медицинском факультете университета в Тарту. В Первую мировую войну Прозоровский служил военным врачом в лейб-гвардии Волынского полка, одновременно занимался музыкой, пением, композицией и даже издал несколько романсов собственного сочинения. В 1917 году он прибыл в Тифлис в распоряжение Кавказского окружного военно-санитарного инспектора, но вскоре полностью переключился на композиторскую деятельность. Борис приехал в Тифлис не один, а со своей ученицей Анной Орловой, однако, когда познакомился с очаровательной студенткой Тифлисской консерватории Тамарой Церетели, которая обладала сильным и красивым голосом, для него стало очевидно: вот она, исполнительница его романсов! И он начал готовить с ней концертную программу.

Тамара Церетели

Первое публичное выступление Тамары Церетели состоялось в 1920 году (по другим данным, в 1919-м). Тамаре было 19 лет, и она начала концерт романсом «Вам 19 лет» на музыку Бориса Прозоровского и стихи Елены Белогорской. Самому композитору тогда было, по меньшей мере, уже 28 лет.

Вам девятнадцать лет,
у вас своя дорога,
Вы можете смеяться
и шутить,
А мне возврата нет,
я пережил так много,
И больно, больно так
в последний раз любить.

Успех был велик, и Тамару и Бориса бесконечно приглашали выступать в домашних салонах, небольших концертных залах и ресторанах Тифлиса. Тамара оставила учебу в консерватории и целиком отдалась концертной деятельности.

В 1922 году произошел знаменательный случай. В Тифлис прибыли гастролеры из Петрограда – актер Александринского театра, заслуженный артист Императорских театров Николай Ходотов и артистка Елизавета Жихарева (Тамара Семеновна, вспоминая этот эпизод, говорила, что Жихарева также была из Александринки, но это, видимо,

мару исполнить в спектакле романс «Гори, гори, моя звезда». Она легко справилась со своей задачей. Успех превзошел все ожидания – зал устроил такую бешеную овацию, что сама Жихарева прямо со сцены предложила ей спеть на «бис». А ведь это был драматический спектакль, а не концерт!

В 1923 году Борис Прозоровский уговорил Тамару отправиться покорять Москву. Биографы и исследователи так и не сошлись во мнениях, каким образом осуществился этот переезд. По одной из версий, они приехали в Москву вместе, уже парой. Но это сомнительно, поскольку Александр Сумбатов-Южин, который всегда интересовался появлением в столице новых грузинских актеров или певцов, пригласил к себе в гости Тамару с мужем – «К.

Татишвили» (она обозначила его в своих воспоминаниях именно так, хотя его звали Николоз). По другой версии, Борис Прозоровский уехал в Москву в 1922 году и оттуда звал Тамару, но она вышла замуж за Николоза Татишвили, и переезд стал для нее почти невозможен. Однако, когда сам Татишвили был в Москве в командировке, то случайно встретился на улице с Прозоровским, своим однокашником по гимназии, и в разговоре узнал, что жена выступала именно с романсами Бориса. Дружья детства отметили встречу и телеграфировали Тамаре, чтобы она выезжала в

Москву.

Так это было или иначе, но Тамара уехала в столицу. «Я помню тот день, когда Церетели уезжала из Тбилиси, – вспоминал ее друг юности, режиссер Иосиф Туманишвили. – Ей желали счастья, но волновались, что она замерзнет в далекой северной стране. Боялись, что она потеряется... А она стала завоевывать сердца зрителей, стала русской певицей, будучи грузинкой до самого последне-

го своего волоска».

В Москве у Тамары довольно быстро сложился профессиональный и дружеский круг, в который вошли известные музыканты Дмитрий Покрасс, Семен Стучевский, Абрам Макаров. Уже упомянутый визит к Сумбатову имел прекрасное продолжение – перерос в долгую крепкую дружбу.

Вскоре произошли изменения и в личной жизни певицы. Разница в возрасте в девять лет не стала помехой нахлынувшему чувству, и Борис Прозоровский стал ее мужем.

В Москве, как и в Тифлисе, к нему быстро пришел успех – Прозоровский становится очень востребованным автором эстрадных шлягеров.

В том же 1923 году Тамару Церетели приглашают на празднование 25-летия Московского художественного театра. Организатором был Александр Сумбаташвили-Южин, а ведущим – Леонид Собинов. Церетели выступала после великой Антонины Неждановой. Свой выход Тамара превратила в небольшой спектакль – она спела песню на мотив грузинской «Алаверды» и исполнила ее, обращаясь к Немировичу-Данченко, как известно, уроженцу Грузии. Успех был необыкновенный!

Вскоре Тамара дала свой первый концерт в Большом зале (по другим данным – в Малом) Московской консерватории. Первым номером шел цыганский романс «Я так любила вас». Столичная публика сдалась Тамаре Церетели сразу же и без сопротивления. Пресса посвятила дебютантке несколько восторженных рецензий. Москва немедленно окрестила ее «второй Варей Паниной» – была такая известная исполнительница цыганских песен и романсов, цыганка из ресторана «Яр», певшая даже на сцене Мариинского театра перед императорской семьей. Она умерла в 1911, когда ей не было и сорока лет, но столица ее помнила...

Надо ли уточнять, что прошло совсем немного времени, и Тамару перестали сравнивать с кем бы то ни было – она стала Тамарой Церетели, неповторимой и единственной. Пройдут

годы, и молодых певиц Нани Брегвадзе и Медею Дзидзигури будут награждать, как самым почетным титулом, званием «второй Тамары Церетели».

Начиная с 1924 года 1 января Тамара ежегодно открывала новый сезон эстрады в Колонном зале. В этих концертах принимали участие Василий Качалов, Михаил Чехов, Иван Козловский, Давид Ойстрах, Антонина Нежданова и другие выдающиеся артисты и певцы.

В 1925 году рецензент журнала «Театр и жизнь» засвидетельствовал: «Как легенда ходит триумф Тамары Церетели на сцене Большого театра», имея в виду концерт в Большом, где вместе с певицей выступал Константин Станиславский.

Благодаря Тамаре в 1920-30-е годы интерес к настоящей цыганской песне постепенно возобновляется – она довела этот жанр до подлинного высокого искусства. «Тамара Церетели умела старый запетый романс прочитать в таком строгом академическом стиле, придать ему какую-то особую форму, что произведение звучало совершенно по-новому», – признавала выдающаяся оперная певица Вера Давыдова.

Надо особо подчеркнуть, что все блистательные романсы, созданные в 1923-1924 годах, Борис Прозоровский посвящал молодой жене, и она понимала, скольким обязана мужу. К тому же у него было поразительное чутье на поэтические тексты – слова его романсов часто уходили «в народ»: «Вернись, я все прощу», «Мы разошлись, как в море корабли»... Он стал главным человеком в ее творческой судьбе. «Всю мою деятельность обусловил Борис Прозоровский, этот замечательный человек и музыкант», – говорила Тамара.

Первые неприятности случились в начале 1925 года. Против Прозоровского было сфабриковано дело о даче взятки за концерт. Его арестовали, а затем выслали из Москвы с запретом на выступления в столице сроком на три года. В течение этих лет Тамара и Борис много гастролировали в Крыму и на Кавказе. При этом уже в 1927 году, всего через четыре года после дебюта в Москве, фирма «Муз-

пред» (впоследствии – «Музтрест») обратилась к Тамаре Церетели с предложением записать для граммофона восемь романсов и песен – романсы «Я так любила вас» и «Гори, гори, моя звезда», цыганскую песню «Василечки» и другие. По другим данным – была произведена грамзапись лучших романсов Прозоровского.

Можно сказать, что это был совершенно необыкновенный случай, ведь «Музтрест» почти не записывал современных исполнителей цыганского жанра.

К тому же новых записей вообще производилось очень мало – не более пяти пластинок в месяц. Изабелла Юрьева рассказывала, что впервые ее пригласили для записи пластинки лишь в 1937 году, через 15 лет после первого выступления. «В двадцатые годы, во времена Музтреста, я и мечтать о пластинке не могла. Музтрест предпочитал пародировать цыганские романсы, чем записывать их современных исполнителей!» Юрьева была права. «Музтрест» действительно отдавал предпочтение проверенным временем звездам или пародиям. Например, знаменитый Владимир Хенкин записал песню «Вам 19 лет, у вас своя королева». Так что история с Тамарой Церетели стала исключением из общего правила.

Пластинка с романсами в ее исполнении поступила в продажу, мгновенно была раскуплена и, конечно, количество почитателей таланта Церетели резко возросло.

Тамара становилась одной из самых популярных певиц в стране. Ее концерты неизменно сопровождались аншлагами, успехом и восторженными рецензиями самых строгих критиков – будь то Москва, Тифлис, Новосибирск или Владивосток. Вот как отзывалась о выступлении Тамары Церетели ярославская газета «Северный рабочий»: «Цыганский жанр, пение – это в некотором роде «хожде-

ние по канату»: он требует от исполнителя особого мастерства и особой чуткости. Неосторожное движение, неосторожный звук – и вместо жанра – самая вульгарная кафешантанная «цыганщина». Тамара Церетели принадлежит к безупречным исполнительницам. Более того, цыганский жанр приобретает в ее исполнении значение настоящего вокального искусства. У певицы превосходное контраalto с мягким золотисто-бархатным тембром, выразительные передачи и тот особый вокальный акцент, который так характерен для цыганского жанра и который дается певицей с исключительным чувством меры».

«Тамара Семеновна была удивительной певицей, – вспоминал композитор Матвей Блантер. – Она обладала прекрасным, гибким, сильным, «домикрофонным» голосом (я подразделяю певцов на эстраде на тех, кто может петь и с микрофоном, и без него, и тех, кто без микрофона – нуль). Кроме того, она владела всеми секретами так называемого цыганского пения, например, умела бле-

Тамара Церетели называли Пассионарией

стяще пользоваться приемом отстранения, когда песню, рассказ в которой ведется от первого лица, она не переносила на себя, не играла ее героиню, а как бы сообщала о судьбе этой героини, ее переживаниях, волнениях, оставаясь при этом Тамарой Церетели, и зритель всегда чувствовал дистанцию «исполнитель – герой».

Своеобразным признанием мастерства Тамары Церетели стало решение комиссии, проводившей в 1929 году перекалфикацию артистов эстрады. В состав комиссии вошли такие авторитетные мастера, как В. Барсова, Н. Кручинин, М. Ипполитов-Иванов, Н. Обухова и другие. Высшую категорию – «артист всесоюзного значения, достигший высшего мастерства» – не получил ни один исполнитель. Тамаре Церетели присвоили следующую после высшей категорию – «артистка с законченным мастерством, могущая самостоятельно заполнять концертную программу».

Однако в том же 1929 году в Ленинграде прошла Всероссийская музыкальная конференция,

на которой было окончательно решено запретить исполнение и издание романа, так как «наряду с религией, водкой и контрреволюционной агитацией музыка этого типа, заражая рабочего нездоровыми эмоциями, играет не последнюю роль в борьбе против социалистического переустройства общества». В 1930 году Прозоровский, композитор «мещанской музыки» и дворянин, был арестован и осужден на 10 лет тройкой ОГПУ по статье «контрреволюционная агитация». Его отправили на Беломорско-Балтийский канал. Там он работал врачом, что и спасло его от гибели.

Тамара продолжала творческую деятельность. Но в 1932 году выходит постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». В одночасье были ликвидированы РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) и РАПМ (Российская ассоциация пролетарских музыкантов). В постановлении было сказано, что эти организации «стремились навязывать художникам свои требования и вкусы. Кружковая замкнутость, вульгарное социологизирование, навешивание всяческих «ярлыков» – методы, которыми широко пользовались рапповцы и рапповцы». Кстати, нельзя не добавить, что РАПП прославилась тем, что сживала со свету таких разных писателей, как Булгаков, Маяковский, Горький, не соответствовавших, с точки зрения рапповцев, критериям настоящего советского писателя.

А что касается артистов эстрады, то исполнителям романсов и лирических песен было предложено немедленно подготовить новый репертуар. И Тамара включает в свою программу таборные песни, русские народные песни, в том числе такие, которые прежде никто на эстраде не исполнял – «При долинушке калинушка стоит», «Я пойду ли молода», «На горе стоит елочка» и другие. Она обращается к грузинскому фольклору и песням грузинских композиторов. В ее исполнении зазвучали классические произведения на стихи Пушкина «Я пережил свои желанья», «Я вас

любил», романс Чайковского «День ли царит». При этом основу репертуара по-прежнему составляли те произведения, которые давно полюбили публике в ее исполнении.

С 1932 года аккомпаниатором певицы становится пианист Зиновий Китаев. Он был выходцем из знаменитой витебской семьи Китаевых, которая вся состояла из музыкантов – профессионалов и любителей, среди них были пианисты, трубачи, ударники, контрабасисты. Окончил Петроградскую консерваторию, в 1920-х годах был пианистом Первого Рабочего театра Пролеткульта.

В 1933 году в Москву вернулся досрочно освобожденный Борис Прозоровский. Воссоединение Бориса и Тамары на сцене после ссылки вызвало ажиотаж. Билеты на их концерты разлетались в мгновение ока. Борис Филиппов, один из основателей Центрального дома работников искусств в Москве, на протяжении многих лет директор ЦДРИ, вспоминал: «Мне запомнился ее творческий вечер в клубе мастеров искусств. Аккомпанировал певице Б. Прозоровский – композитор и ее концертмейстер. Аудитория редкостная. В первых рядах – Л. Собинов, А. Нежданова, Н. Обухова, В. Барсова... Попробуйте петь в присутствии такого неофициального «жюри»! И эта удивительная способность артистки облагораживать музыкальное произведение, даже в том случае, если оно не принадлежит к числу первоклассных образцов музыкального искусства, окрашивать его своими эмоциями, – создавало успех, вызвало бурные овации требовательной аудитории. Я никогда не забуду редкостный дуэт: Тамара Семеновна вызывает из публики И.С. Козловского, и без всякой репетиции они исполняют романс «Утро туманное, утро седое». И снова буря восторга в зрительном зале». Кстати, именно этот романс был коронным номером Вари Паниной.

Безоблачный период продолжился около года. 1 декабря 1934 года был убит первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) Сергей Киров. В тот же день по личному указанию Сталина ЦИК

СССР принял постановление «О внесении изменений в действующие УПК союзных республик». С этого момента процедура судебных разбирательств была предельно упрощена. По стране прокатилась волна репрессий – арестовывали представителей старой интеллигенции и дворянства. За несколько месяцев из Москвы и Ленинграда в лагеря были отправлены десятки тысяч человек. В их числе оказался и Борис Прозоровский.

31 июля 1937 года нарком внутренних дел Н.И. Ежов издает приказ: «Предписываю начальникам республиканских, краевых и областных УНКВД в течение 4 месяцев, с августа по ноябрь 1937 года, провести операцию по изъятию и репрессированию антисоветских и социально опасных элементов, которые содержатся в тюрьмах, лагерях, трудовых поселениях и колониях, а также членов их семей, способных к активным действиям». И заключенного Бориса Прозоровского, отбывавшего срок в лагере под Хабаровском, расстреляли. Ему было 46 лет. В 1957 году он был посмертно реабилитирован «за отсутствием состава преступления»...

Тамару Церетели репрессии не коснулись. Все это время она с успехом гастролировала во всей стране, выступала по радио, записывала песни на пластинки – все, кроме написанных Борисом Прозоровским. На ее имя с адресом «Тбилиси, Тамаре Церетели» приходили мешки писем из всех городов Советского Союза. В годы Великой Отечественной войны Тамара выступала перед бойцами на передовой, давала концерты, сборы от которых шли в фонд помощи семьям погибших воинов. В 1953 году в Москве, в ЦДРИ отметили 30-летие творческой деятельности Тамары Церетели. Было подсчитано, что за 30 лет она дала пять с половиной тысяч концертов.

В 1960 году Тамара Церетели ушла со сцены. А ведь ей было всего 60 лет...

Несколько лет спустя, узнав, что заслуженный артист Грузии Мераб Табукашвили собирается делать на Грузинском телевидении посвященную ей передачу,

Мераб Табукашвили и Тамара Церетели

Тамара Семеновна сказала: «Время летит быстро, вкусы меняются. Появилось столько замечательных певцов, что мое пение, тем более по старым записям, уже не произведет того впечатления. Как говорится в одной из моих песен, «уж я не та, что некогда была».

Но передача состоялась и вызвала огромный интерес, как, кстати, и другие авторские программы Мераба Табукашвили, которые он делал на протяжении многих лет.

В марте 1968 года Тамара Церетели увидела выступление ансамбля «Орэра» и была настолько восхищена талантом Роберта Бардзимашвили, Вахтанга Кикабидзе, Нани Брегвадзе и других участников, что написала восторженную статью, которую назвала «Звезды грузинской эстрады», и подарила Нани ноты романса «Вернись», на которых сделала надпись: «Нани Брегвадзе – царице эстрады».

Тамара Семеновна не успела увидеть свою статью опубликованной – она появилась в газете «Тбилиси» 4 апреля 1968 года, в тот день, когда она ушла из жизни...

Через год, 8 апреля 1969 года, Мераб Табукашвили привез в Тбилиси урну с прахом Тамары Церетели. 27 апреля общественность Грузии отдала последний долг памяти любимой певице в Доме работников искусств. Прах предали земле в Дидубийском пантеоне писателей и общественных деятелей.

Почти сто лет назад, в 1925 году, молодая певица Тамара Церетели писала: «Придет время, и я, совершенно законченной певицей, с определенной школой и направлением возвращусь к себе на родину и буду служить ей всеми своими силами. Поверьте, никакая победа не заставит забыть меня моей Грузии, и там, где я спела впервые, прозвучит и моя последняя песня». За три месяца до смерти она спела две песни – они были сняты Центральным телевидением по заказу грузинского и сейчас хранятся в золотом фонде телевидения Грузии. Но эти песни не стали последними. В 2010 году, в ознаменование 110-летия со дня рождения великой певицы, Союз «Русский клуб» представил поклонникам жанра вечер русского романса и музыкальный диск «Снова пою» – с записями самой Тамары Церетели, а также с ее романсами в исполнении молодых грузинских певцов. Авторами идеи проекта стали известные композиторы Нуну Габуния и Тенгиз Джаиани. И мы снова убедились в том, что в нашей стране по-прежнему жив и вызывает большой интерес жанр, который иначе как феноменом и не назовешь – «русский романс в Грузии». А у самых истоков этого жанра стоит неповторимая Тамара Церетели, чье имя вписано сияющими золотом буквами в историю исполнительского искусства – навсегда, во веки веков.

ВСПОМИНАЯ ПАРАДЖАНОВА

■ Ирина ДЗУЦОВА

Сергей Параджанов. Его персоне и его творчество, возможно, достойны пера Плутарха, Рабле, Саят-Новы, Бахтина и ... кинокамеры самого Параджанова. Он был воплощением принципа контаминации: земного и космического, армянского пахаря и тифлисского карачогели, средневекового рыцаря и великого мага. О нем можно было сочинять заумные трактаты, веселые байки и уголовные дела. И все было бы правдой, потому что все это – ипостаси одного, единого. В нем сосуществовали истины от Нарекаци, Гаргантюа, Уайльда, Казановы, Дали и... звездного мальчика.

Великий магистр, лирический бард, вечный странник, суфий и любимец публики на сцене, на площади, на ярмарке – в тех действиях, которые требуют немного хлеба и многих аплодисментов.

Амбивалентными были его облик (безусый юноша и бородач, похожий на античного философа), характер, привязанности в жизни и в творчестве (простые

сюжеты и философская иррациональность), интерьер, которым он окружал себя (стекляшки, подобранные на свалке, и предметы дворцовой роскоши). Впрочем, в его убедительно-словесной и «собственноручно» трансформированной подаче все выглядело значительным и значимым. От преданного восторга перед вещью и желанием непременно владеть ею, он приходил к мгновенному решению отдать, подарить (по его же признанию, он не желал быть старьевщиком). Он умел вдохнуть такую духовность в найденную вещь, в человека, что все вокруг считали себя обладателями семи чудес света, сокровищ Агры и пещеры Али-Бабы.

Апокрифы или анекдоты уводят в сторону забавного о Параджанове. Это суживает суть понимания его и входит в конфликт с его печальной душой и серьезностью.

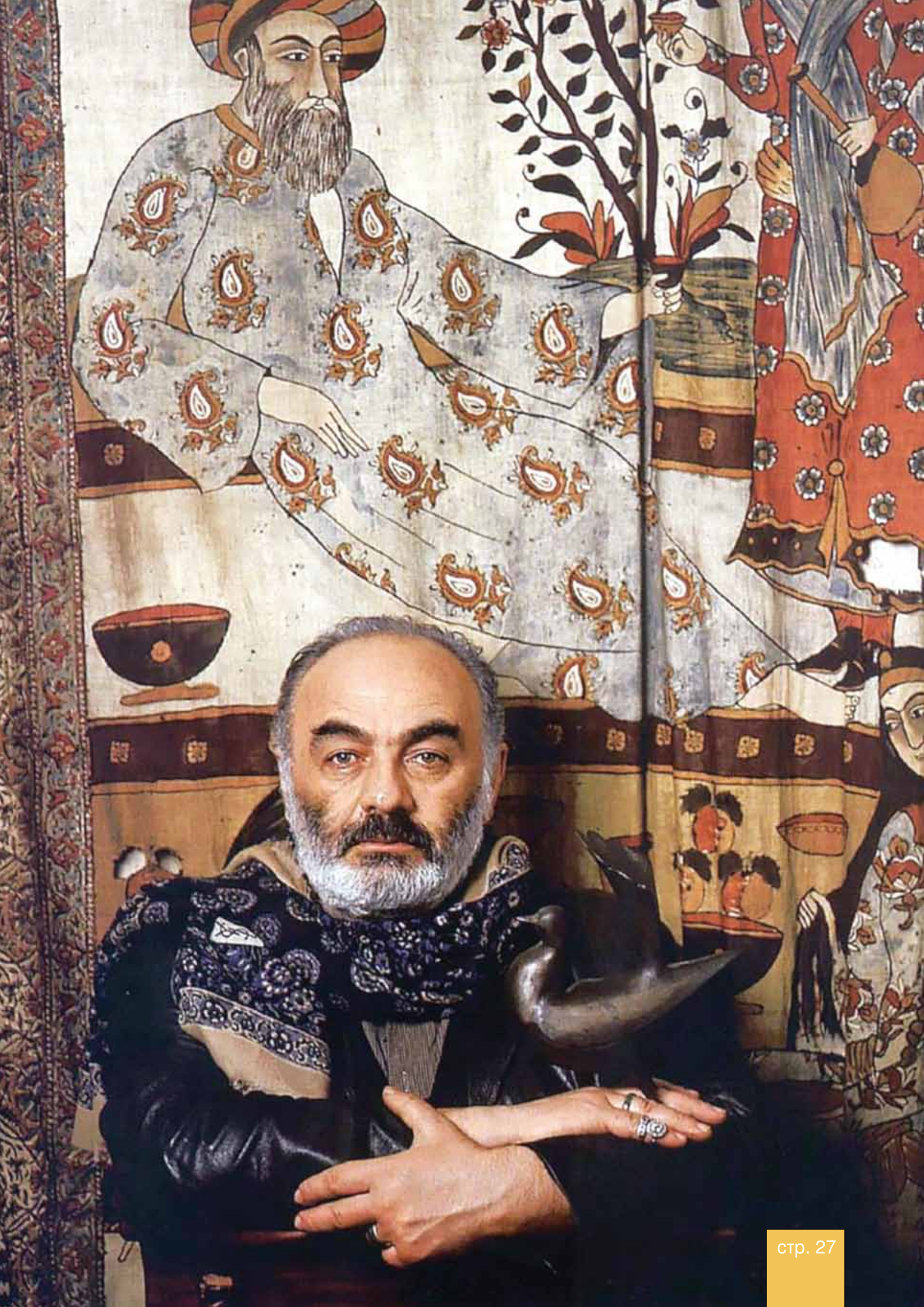
Саят-Нова, Ашик-Кериб, Св. Шушаник, Гамлет, Давид Сасунский, Ара Прекрасный, Андерсен, Демон, Кармен, Пи-

росмани, Акоп Овнатанян – в выборе этих сюжетов для сценариев и осуществленных фильмов – разные характеры и образы, разные культуры, разные миры. И это тоже выражает амбивалентность творческих пристрастий Параджанова-художника.

Амбивалентность и в карнавальном окружении Параджанова: ученые, художники, актеры, музыканты, режиссеры, священники; уголовники, следователи, милиционеры, дворники; женщины и мужчины, дети; старики и молодые; симпатичные и неприятные, преуспевающие и несчастные.

Друзья, знакомые, соседи, недоброжелатели – амбициозные и без претензий – все они вместе с Параджановым, вместе (или во главе), участвовали в его дионисийских играх; в его «Божественной комедии» (по словам одного пронизательного друга Параджанова). И чем больше было игры, тем меньше ощущалась удушающая атмосфера реальности, а чем больше было этой реальности, тем больше было игры. Так было жить трудно, но и легче тоже. В свои игры Параджанов включал драгоценную мишуру: предметы, достойные дворцового интерьера, и сломанный венский стул, вазы, ковры, ткани, фарфор, куклы и многое другое. Старьевщик? Купец? Антиквар?

Творчество интуитивного разума Параджанова – его фильмы, в которых отражены внеисторические смыслы и аполинийский сон – Миф. В них – свобода игровых преобразований, условное Время. В своей памяти (или своей памяти) Параджанов удерживал забытое, удерживал ощущение непрерывности времени. Он отказывался от сосредоточенности на прошлом, настоящем и будущем как единственно реальных категориях Времени и Пространства и воссоединял их в один поток внеисторического, внекультурного Времени, вводя сюда реминисценции временных знаков. Параджанов показал различные реальности, как бы уравнивая их магической силой своей фантазии в универсуме.

ГДЕ МОЖНО ПРЕДАТЬСЯ ИЛЛЮЗИЯМ...

КАРТЫ С КЛОНАМИ, ЦВЕТНЫЕ ТЕНИ

■ **Медея АМИРХАНОВА**

Передо мной вращался и скрежетал сиреневый туннель, и надо было через него пройти. Три шага и все поплыло перед глазами, зазвенело в ушах. Нет, лучше назад. Но так хотелось победить этот чертов туннель. Решила смотреть на свет в конце, на выход, и ничего не разглядывать. Пошла быстро. На другом конце выдохнула – смогла. Потом настолько обнаглела, что сунулась снова. Чудовище очень старалось сбить меня с ног, завертеть, как щепку, но зря...

Рассказываю не сон, а реальное событие. Правда, чтобы получить такой опыт, нужно оказаться в иной реальности – в Музее иллюзий. Вихревой туннель или вортекс можно проходить далеко не всем. Посетителей, склонных к гипертонии, головокружениям, недавно перенесших операции, также тех, кто имеет проблемы с сердцем, позвоночником, шейей, беременных очень про-

сят воздержаться. Нельзя идти в туннель босиком, на каблуках, прыгать, перегибаться за поручни мостика.

Музей иллюзий открылся в Тбилиси, в Старом городе, на Бетлемской улице больше года назад. Хорватский проект, имеющий аналоги в разных городах мира (основан в Загребе, в 2015 году). В некоторых странах даже по два таких музея. В Греции – в Афинах и Салониках; в Турции – в Стамбуле, и теперь новый в Анталии; в США – в Нью-Йорке и Далласе.

За основу взяты оптические иллюзии, обман зрения. В Тбилисском интерактивном музее на трех этажах расположились до 80 экспонатов. Гид по музею необязателен: рядом с экспонатами пояснительные тексты на трех языках – грузинском, русском, английском. На полу и на стенах метки-указатели – с какого ракурса лучше снимать фото.

Музей быстро набрал популярность среди местных и туристов, не скупившихся на похвалы на Tripadvisor. Но в нынешнем году вынужденно оказался в состоянии простоя.

– Из-за пандемии не работали четыре месяца, – рассказывает сотрудница музея Мариам Гочелашвили. – Сложно, конечно. Мы – частный музей, существуем только за счет собственной прибыли. Открылись 1 июля. Теперь нужно возвращать наших посетителей, заново устанавливать контакт. Соблюдаем все рекомендации и правила – вход только в масках. Дезинфекция экспонатов, помещения раз в несколько часов. Ограничения коснулись групповых туров – теперь только до 10 человек. Одновременно в музее смогут находиться не больше 25 человек. Из расчета – один посетитель на каждые пять метров.

К нам выстраивались очереди: из школьных групп, туристических. Для них заведен график, регулирующий длительность визита. Индивидуальных посетителей во времени не ограничиваем. Обычно они тратят на полноценный осмотр где-то около часа.

Пора возвращаться к нормальной жизни, или, по крайней мере, приспосабливаться к жизни в условиях пандемии.

Мариам предлагает начать осмотр с нижнего этажа. Проходим мимо черных рамок на стене. Внезапно в одной рамке появляется странный мальчик в

очках. «Господи! — отскакиваю в сторону. — Не было же его». «Это как посмотреть, — говорит Мариам. — С левой стороны, или с правой. Да, наши голограммы многих пугают, причем не имеет значения — день или ночь. Срабатывает эффект неожиданности».

В следующей рамке притаился злой старик, с колючими глазами. Пускает сигаретный дым в бороду. И голограмма из серии «ужасиков»: корявые руки, ухватившие детские ручонки...

Вхожу в «Бесконечную комнату», сотрудница музея закрывает за мной дверь. Целиком зеркальное пространство в форме пчелиных сот. Вижу десятки своих отражений, близких и далеких, теряющихся в лабиринтах. Несколько селфи, ну что ж, можно идти. Но, оказывается, пока я вертелась, забыла, где дверь. Резко подскакивает адреналин. Рябит от своих отражений. Лихорадочно верчусь, пока не замечаю маленькую надпись на зеркале, на уровне пояса — «выход». Как потом выясняется, и другие здесь нередко поддаются эмоциям.

Есть в музее иллюзий и другие интересные комнаты. Например, в комнате Эймса можно превратиться в великаншу (великана) или гнома. Все дело в планировке. Пол — очень крутой пригорок. Если забраться на него, и встать в верхнем углу комнаты, то вы — гигант. Тот, кто стоит в нижнем углу, по сравнению с вами — гном.

Мы привыкли, что наша тень —

темная. Но в одной из комнат вы увидите свои цветные тени — розовую, голубую, желтую.

Много экспонатов с зеркалами, у них разные эффекты. Если хотите быть похожи на профессора Доуэля, полезайте в экспонат «Голова на блюде». Со стороны, для окружающих вы будете лишены тела. Они увидят только стол и вашу бедовую голову на нем. Такое впечатление благодаря двум ловко скрытым зеркальным панелям... Готовы увидеть себя с новым лицом? Примерить другие глаза, нос, подбородок? Тоже можно устроить, только нужны два участника. Если вам не с кем перекинуться в карты, садитесь за стол «Клон», и у вас появится целых пять напарников для игры (какой балзам души для нарцисса!). На самом деле, в зеркалах отражается круглый фрагмент стола, под углом 60 градусов. Калейдоскоп в музее иллюзий показывает не цветные орнаменты, а узор из ваших лиц. Заглядываете в цилиндр с зеркалами с одной стороны, кто-то из друзей снимает вас с противоположного конца.

Висящая в воздухе пирамида, если обойти ее и посмотреть с другой стороны, оказывается кубом...

Посетителям предлагаются геометрические иллюзии (Понцо, Мюллера — Лайера, «угол» и др.), головоломки (кстати, изготовленные из натурального дерева). Кручу полосатый диск на стене («иллюзия виниловых про-

игрывателей»), потом смотрю на него не отрываясь 30 секунд, как положено. Перевожу взгляд на ладонь. Что за гипноз! Она расплывается!

Оптические иллюзии связаны с тем, что наш мозг очень ленив. Он не ищет подвохов, ошибку, а интерпретирует увиденное на основе прежнего опыта. Взять «иллюзию полого лица». Смотрю на Альберта Эйнштейна — в девяти оконцах вращается маска — и лицо неизменно кажется мне выпуклым. Хотя маска на деле вогнутая. Мозг привык к выпуклым лицам, и именно так «считывает» маску.

КОРИДОР В МИР НИКАЛЫ

Здание, которое занимает Музей иллюзий — старый тбилисский дом, памятник культурного наследия. 26 февраля 2020 года здесь открылся еще один необычный музей — «Голозеум». Но тбилисцы не успели толком о нем узнать. Может, оно и лучше. После многомесячного культурного вакуума получить роскошный подарок.

«Голозеум» — полностью цифровое искусство. Автор проекта — Леван Бахия, арт-директор — Ника Харати. Создан музей при финансовой поддержке группы «Solo» «Сакартвелос банки». Первая масштабная работа посвящена творчеству Нико Пиросмани. Анимировали, оживили его картины.

На входе встречает «Рыбак в красной рубашке» (клип-заставку снимали совместно с «Metro

D-мэппинг. Это значит, что создается 3D модель этого здания, с учетом его геометрии. И «скорректированный» 3D образ здания проецируется на реальный объект.

Во всем этом здании висят проекторы. Каждый из них пускает специальное, заранее искаженное изображение. И так крутит и склеивает изображение, что получается огромный цельный экран.

Есть же новые телевизоры с 8K разрешением. Здесь же разрешение – 100K.

У нас не хватило времени, чтобы добавить и другие необычные техники. Но две картины в технике «пещерная виртуальная реальность» уже есть в нашем музее. Картина движется в зависимости от позиции, которую выбирает зритель. Вообще-то мы соединили несколько картин. По-

Production»). Идешь по коридору и замираешь от восхищения. Если в музее рассматриваешь картину в целом, то здесь обращают на себя внимание и мелкие детали. Козлик шагает впереди отары, музыканты стараются у стола... Вокруг тебя удивительная жизнь. Быстрокрылые птицы пролетают над горной вершиной, выезжает из туннеля паровоз, качаются в повозке с волами крестьянки, люд собрался в церковном дворе... Чудо! Как все это устроено?

Рассказывает **Ника Харати**:

– Изначально появилась идея создать место, где человек сможет попасть в другую реальность, в другой мир. Где благодаря цифровым технологиям стираются границы мира настоящего. Мы мечтали о музее физики. С помощью разных интерактивных анимаций, инсталляций показать мир физики более доступно. В мире много хороших цифровых музеев. Например, «Ателье де Люмьер» в Париже. Там часто показывают представления Густава Климта, недавно – японское искусство. Но «Ателье де Люмьер» располагается в здании бывшего литейного завода. Огромные стены, площадь – 3300 кв. метров. Не такое сложное пространство, как у нас. Мы там бывали и решили создать похожий музей. Я в прошлом – традиционный художник, всегда интересовался твор-

чеством Пиросмани. На проект ушло два года. Он сложный и дорогой. К слову, техника в «Ателье де Люмьер», если не ошибаюсь, обошлась до 10 миллионов евро. Естественно, в Грузии нет таких средств. Мы много времени потратили на тестирование, чтобы создать хороший по качеству, и в то же время реально осуществимый проект. Полностью грузинский продукт, все сделано здесь. Та техника и технология, которые используем, работают. Но постепенно, пошагово будем стараться улучшать.

Существует такое направление – видеомэппинг или 3

пытались смешать их по контексту – нужно уважать искусство Пиросмани. Картины из похожей серии. Дело в том, что одной картиной сложно было бы заполнить изображение такого размера.

Цель «Голозеума» и дальше создавать такие интересные миры, представлять других художников. Хотим добавить импрессионистов. На третьем этаже подумываем разместить передвижные инсталляции. Словом, в течение этого и в начале следующего года тбилисцев ждут новинки.

НЕЖНАЯ БЕЗЗАЩИТНОСТЬ И ВНУТРЕННИЙ СТЕРЖЕНЬ

Говорят, идеальных людей не бывает. Но вот актриса София Ломджария принадлежит именно к тому типу людей, о которых мечтал Чехов со своим знаменитым: в человеке все должно быть прекрасно. Да, Софа прекрасна во всем: красива, умна, талантлива, хорошо воспитана. А еще у нее отзвучивое, доброе сердце. Кажется, такого не может быть, чтобы в одном человеке заключалось столько достоинств! Но вот, представьте себе, – бывает!

В Софе импонирует и то, что она все время растет и совершенствуется – от роли к роли. И режиссеры ценят это ее качество и доверяют сложные, ответственные работы. Помню первые робкие шаги юной Софии на сцене... А сегодня в ее послужном списке роли, которым позавидует любая актриса.

Интересно наблюдать за процессом становления молодого актера. Когда с новой ролью открываются его неожиданные возможности, когда каждой своей работой он удивляет и радуется. При всей внешней хрупкости в Софии чувствуется крепкий внутренний стержень и самообладание – качества, необходимые для сцены, для развития в профессии. И София развивается!

Она такая разная! Актриса София Ломджария – это: нежная беззащитность Вязопурихи – героини спектакля «Холстомер. История лошади» – перед сложностью и злом окружающей реальности; трагический излом судьбы Катерины из «Грозы» Островского; обольстительность роковой красавицы Лавры из пушкинского «Каменного гостя» (в театре Грибоедова – «Дон Гуан»); кроткое обаяние и сила шекспировской Гермiony из «Зимней сказки»; жутковатость Геллы – порождения inferнальных миров из «Мастера и Маргариты»; конфликт чувства и разума Нины из вампиловского «Старшего сына», пытающейся «правильно» выстроить свою жизнь – вопреки сердцу... А рядом с этими персонажами – характерные образы из спектаклей «Маяковский» и «Алые паруса».

Недавно Софа вошла в спектакль-долгожитель «Кроткая» в заглавной роли. Ввод – это всегда большое испытание для актера. Тем более – Достоевский, труднейшая психологическая роль, построенная больше на пластике, сценическом действии, мимике, чем на слове. И Софа замечательно справилась со своей задачей, доказав в очередной раз, что ей по плечу самый сложный материал.

Хочется пожелать Софе смело и энергично двигаться дальше, решая все новые и новые творческие головоломки. А мы, ее верные поклонники, будем радоваться и получать удовольствие от новых ролей актрисы!

Поздравляем!

Вилли радуется разнотравью

РАДОСТИ И ГОРЕСТИ ВИЛЬЯМА БЕРТРАНА

■ Анаида ГАЛУСТЯН

«Бассет-хаунд? Это большая редкость, в Тбилиси их нет», – во всех клубах один ответ, как приговор. «Может, возьмете нормальную собаку – обычную? Вот пудель есть, боксер, доберман, лабрадор – он прекрасно ладит с детьми...», – сказали в одном клубе. «Я похожа на нормальную?» – ответила я и мне вслед долго смотрели. И только на выставке добрая женщина Мила, бывшая балерина, а теперь кинолог, к которой нам посоветовали обратиться, пообещала найти щенка. Когда-то она завезла сюда первого бассета – бабушку Вилли, Агнету. И не забыла про обещание! Через несколько месяцев раздался звонок: «Ваши бассеты родились, приезжайте, выбирайте...». Скоро мы поняли, что значили эти определения – «нормальный» и «обычный», ведь есть собаки, а есть бассеты...

***

Стою и не верю своим глазам: сколько их, маленьких, неловких комочков с жизнерадостными хвостиками и пока еще маленькими ушками! Мама Пурина, черно-белая бассетиха с рыжими бровями, следит за детками, беспокоится и смотрит мне прямо в глаза, спрашивая: «Что тебе от нас надо?» Как это ужасно – приходит человек и покупает твоего ребенка, но что поделаешь... Обещаю ей быть самой заботливой на свете... Один из шустриков подбегает ко мне, усаживается рядом и начинает грызть джинсы. Вот он, мой мальчик! Люди... Одно разочарование... Увидев, что мы выбрали кроху, а он нас, даже уже общаемся, говорят, что именно этого мальчика они хотели оставить себе и что он лучший в выводке. Но они подумают до вечера. Мы уходим

Анна, Сандрик и любимый друг Вилли

С хозяйкой в Манглиси

расстроенные. Выбрать собаку не так уж просто: из тысячи один оказывается именно твоим, и это невозможно объяснить. Вечером нам звонят, называют новую сумму. Неужели все дело в деньгах?.. И мы едем домой с ничего не понимающим безымянным крошкой! Новый член семьи – это так волнительно. Малыш все время плачет, ищет маму и свою семью, пугается нас, прячется в тапочках. Приходится не спать ночами, успокаивать, убаюкивать, кормить по часам, брать на руки – в доме ребенок! Так и привыкает к рукам – к моим. Прижимается своим маленьким тельцем, издает какие-то щенячьи звуки и засыпает. А я боюсь пошевелиться и тоже привыкаю к мягкой шерстке, щенячьему запаху, этим звукам и скоро начинаю понимать, когда он голоден, когда болит животик, а когда лукавит и просто хочет ласки. Куда уж больше! Люблю, люблю эту липучку, прицепившуюся ко мне, как брошка!

***

Наконец, все осталось позади: первые прививки, татушка на пузе, чтоб не потерялся, имя, которое само собой пришло на ум, и можно гулять. С каким интересом наш малыш познавал этот мир! Не осталось дома на Плеханова, который бы он не обнюхал, и дерева, которое бы не пометил! Ему, как и мне, было хорошо на этих стареньких улицах и в парке Арто – в любую погоду и время года. Носился с друзьями в осенний листопад и снег, пока всех собак не выставили из парка. Сказали, что им не место среди детей, посещающих кружки. А ведь они с радостью общались, собаки и дети, и это всем шло на пользу – они учились друг у друга доброте. Тогда я стала познавать человеческую жестокость, ограниченность и нелюбовь к животным. И вообще, человека. Посмотрела на мир глазами собаки. Ведь, если однажды твоя человеческая жизнь соединится с собачьей, весь мир перевернется с ног на голову, покажется другим, полным новых голосов, ароматов и мыслей. Мы все время противостояли людям, отстаивали нашу любовь, которую далеко не все понимали и принимали. Но наши

отношения были выше человеческой ограниченности и пошлости, рамок, правил, стандартов, условностей и предрассудков...

Было интересно наблюдать, как Вилли выбирал людей и привыкал к ним – соседям, прохожим, которые останавливались, чтобы погладить, к родным. Особенно полюбил мою бабушку. И я поняла, что он – это я, только собака.

***

«Как не нужна родословная? – возмутили кинологи мои слова. – Он приобретен через клуб и является его лицом». «И ушами», – хотела добавить я, но промолчала. «Ну, хорошо, – сказала я, – пойдем на выставку, Вилли, раз так влипли». Я всегда объясняла ему все происходящее. Так мы стали согласно франко-английскому происхождению породы полусэрром-полумесье Вильямом Бертраном, взяли паспорт и пошли на выставку. Серьезные люди с собаками стояли вокруг ринга, обсуждали что-то на грамотном выставочном языке, причисывали своих питомцев, демонстрировали их знания. Мы заметили бассета-девочку и пошли здороваться. Вилли развеселился, стал целовать очаровательной подружке ушки. «Моее не балуем – сидеть!» – одернул недружелюбный хозяин свою раскривлявшуюся девочку. Она послушно села и поникла, Вилли посмотрел на нее сочувствующим взглядом, и мы пошли брать номерок. Маленький Сандрик держал Вилли, я встала в очередь за номерком и слышу, как кто-то расхваливает Вилли: «Ой, что за чудо, что за прелесть! Это сучка?». Сандрик задумался и ответил: «Нет, сучок». Скоро нас вызвали. Судья, высокий, тонкий, пластичный, с хвостиком и именем Юза измерил Вилли, пощупал, убедился, что пес не страдает крипторхизмом и остался доволен. Сказал, чтобы мы прошли по рингу. Вилли посмотрел изумленными глазами сначала на Юзу, потом на меня и не понял. Бассету нужно все объяснять, например, почему нельзя на ринге общаться с собаками и надо идти строго по кругу. В итоге пришлось тащить его под хохот зрителей. Он просто лег и проехался по всему рингу на животе! Мы повеселились, но диплом получили. Родословную тоже. Вилли узнал все о своих далеких чемпионских предках и что он очень правильный бассет, очень породистый. Мы и так знали, что он красавец, а остальное... он же не человек, чтобы лопнуть от гордости из-за своей идеальной родословной, древней породы и т.д... Мы пошли домой, измученные, но счастливые. Хозяин очаровательной бассетихи почему-то разозлился и ушел, не попрощавшись. Диплом повесили на стену. Мою бабушку это развеселило: «У детей столько разных дипломов, ты их в ящике стола держишь, а собачий на стену повесила!». От последующих выставок мы упорно отказывались – лапы нашей там больше не было.

***

«Надо что-то делать с его упрямством, – сказали мне в клубе во время очередной прививки, – приведите его в школу». И мы пошли в собачью школу.

Несколько Виллиных одноклассников покорно

Первый снег Вилли

сели в круг, приготовившись выполнять команды. «Сидеть, лежать, стоять, голос...», – выкрикивал педагог, я вздрагивала, все садились, а Вилли бежал за бабочкой – ему нравился этот мир! И мы поняли, что это не тот пес, который будет приносить тапочки и палочки и выполнять команды без всякой надобности – просто в угоду человеку, чтобы тот хвастался знаниями своей умной собаки. Для чего и кого вообще так унижать своего питомца? Он все знал, очень рано научился нас понимать и чувствовать, но если б я неожиданно приказала – лежать, удивленно поднимал брови: зачем лежать, если хочется бегать? И мы ушли из этой школы. «Вы балуете его, – сказали мне, – он будет бестолковым, ничему не научится». «Ничего, переживем» – ответила я. А когда у меня случились горькие потери – не стало папы, а потом подряд любимых бабушек, он так посерьезнел, стоило мне сесть и заплакать, он устраивался рядом и начинал подвывать. «У вас очень эмоциональный пес», – сказал мне однажды Алик, ветеринар. «Весь в меня», – подумала я. И причем тут знание команд?

***

Я и представить себе не могла, какой это труд и ответственность – собака в доме. Бессловесное существо, которое говорит глазами, хвостом, всем своим существом, беспомощное и одновременно сильное. Беспомощное, потому что не может себя защитить – человек сильнее физически, а сильное, потому что не ест, когда не голоден и не демонстрирует любовь, когда не любит. Он искренний, без задних мыслей, поэтому лучше человека. И поэтому ему прощалось все: обгрызанные ножки стульев, съеденные диван и обувь, разорванные подушки, книги, тетради, сорванные провода, плинтусы, воровство еды и много других безобразий. Мы выстояли, он перерос...

***

А потом в нашу жизнь пришла дворняга Пепа, молодая собачка, белая в черную крапинку, полусеттерша, красивая, подбитая то ли машиной, то ли дикими людьми, несчастная, беременная...

Привела ее во двор, соседи не были против – у многих собаки, кошки, попугаи. Пепа прижилась, а для Вилли – это была первая любовь. И вот однажды мой подросток сорвался с поводка, побежал за Пепой неизвестно куда и пропал. Никогда не забуду этот день. Поздняя осень, ураган, Вилли, бегущий за Пепой, мой крик... Прошу людей, идущих навстречу, поймать его, но все шарахаются. Вот когда проявился талант гончей! Прибегаю домой вся в слезах, звоню мужу, он приезжает, собираемся искать Вилли, садимся в машину, едем и тут видим: идет женщина, собачница из соседнего дома – даже имени ее не знаю, и ведет моего несчастного Ромео! Он напуган, сидит весь день в углу, опустив голову, не ест. И я не подхожу, не ласкаю, не разговариваю – пес должен знать, что провинился. А потом – жизнь продолжается! И любовь тоже. В клубе появляются редкие бассетики – Жозефина, Линда и Чачи. Все красавицы! Но с Жозефиной была настоящая любовь, печаль, ожидания у двери и на балконе, детки... Нам дали одного щенка от Жозефины – самого маленького, страшенького и слабенького – девочку Бусю. Хотя я имела право выбрать любого, смолчала и взяла, потому что ее бы просто угробили из-за непрезентабельного вида. Выходила, вырастила и пятимесячную красавицу подарила добрым людям. Ревела... Сейчас Буська в Санкт-Петербурге. От остальных собачек – жен Вилли щенков спрятали, не дали, я и не просила, и не собиралась заниматься разведением бассетов. Сами умоляли, т. к. он был единственный клубный кобель в нашем городе, чтобы порода не исчезла. Смешные люди...

Пепа осталась верной подружкой на всю долгую жизнь и до сих пор с нами.

***

Мой муж как был врагом номер один, так и

Растем вместе

оставался все годы. Это была сумасшедшая ревность с рычанием, ворчанием, обгрызанными тапками и даже покусываниями – несерьезными, конечно. Однажды Вилли цапнул его за ногу, поцарапал. Просто тогда он превратился в неуправляемого, свободолюбивого, непокорного, дерзкого подростка, стал огрызаться и выражать протест – самоутверждался. Что тут началось! «Или я, или собака», – сказал муж, у которого лопнуло терпение, и после долгих споров потащил меня среди ночи в инфекционную больницу на прививку. Врач сделал все, что нужно, и не зная, что пес наш, родной, сказал: «Если собака сдохнет, сообщите нам». Я чуть с ума не сошла! «Сами вы сдохнете!» – сказала я и мужу, и изумленному врачу и пошла пешком домой – ночью, с Сабуртало на Плеханова. Долго не разговаривали, пока все не встало на свои места: счастливый Вилли посреди кровати, новые тапочки и матрас, потому что старый он назло мужу пометил, и первый завтрак – собаке! «Ваша дочь променяла меня на собаку», – пожаловался муж моей маме, но он уже привык к такому положению вещей. И не смейте его жалеть – меня хватит на полк людей и зверей!

***

В машине первый, конечно же, Вилли! Куда мы без него? Мы с ним на переднем сиденье, морда в окне, уши развеваются, проезжающие машины сигналият, водители улыбаются, дети машут – праздник! А если за рулем я, то Вилли рядом – сидит пристегнутый, музыка на всю катушку и мы поем. Ножки – клеш, голова вверх, вой на весь мир – красота! На светофоре вообще – смех и подключение водителей рядом: всем хорошо и весело! Как и наш каждый выход на улицу – праздник для проспекта. Редко бывали равнодушные прохожие – всегда море разных эмоций, и отрицательных и положительных. Больше положительных, конечно. Вообще, присутствие собаки располагает к общению. И еще – люди проявляют себя. И вот что я скажу: добрых людей больше, но зло сильнее, оно побеждает. И злое слово и злое дело. Особенно это касается дворняг – они чаще проигрывают поединком с людьми...

***

Наша первая совместная поездка в Боржоми. Все усаживаются по своим местам, Вилли на переднем сиденье – на моих руках. Ничего, что неудобно, мы счастливы. Нас принимает с собакой добрая женщина Натела, и мы начинаем изучать роскошный боржомский парк. Атракционы еще не построены, людей и детей мало, бушует осень, все вокруг рыжее, каштаны, шумная речка Боржомка... По ночам отключают свет и мы оставляем горящую свечку, чтобы дети и пес не боялись. Однажды Вилли не успел попроситься ночью на улицу и залил комнату, расстроился и начал жалобно скулить. Ночи были холодные. Я встала, успокоила горемыку, побежала за тряпками, а он перевернул оставленную на полу свечку и загорелся старый хозяйский шифоньер! Убаюканное свежим воздухом семейство крепко спало, и я одна боролась с огромной лужей, спровоциро-

Закат на море

ванной минеральной водой, и огнем. Слава Богу, шкаф уцелел, только чуть-чуть закоптился. Потом не хотелось спать и мы сидели, обнявшись и укутавшись в одеяло на веранде, на старой тахте, слушали громкую речку и первых птиц и дремали. Сколько раз меня убаюкивало биение большого сердца моего верного друга...

Сидеть на месте не хотелось и мы отправились на пару дней в Цагвери, где поселились в коттедже. Плохо, что в столовую санатория с собакой не впускали. Все обедали, а я бежала с едой к запертому Вилли. Однажды прихожу и вижу – дверь открыта, а собаки нет. Зову – никого. Первая мысль – украли! Побежала по всем дорожкам, в лес, скоро присоединилась вся семья – не можем найти. Тут дети кричат из соседнего коттеджа: «Он здесь!» Забегаю в чужой дом, хозяев нет, а Вилли стоит посреди комнаты с виновным видом и охраняет свою лужу. Мы умерли со смеху, все вычистили и смылись, пока никто не засек. Что поделаешь, пес решил, что с соседями надо как-то знакомиться...

А потом мы стали каждое лето ездить в Манглиси из-за бронхитного Сандрика. Вот где Вилли был счастлив! Ведь бассет – охотник в поле. Я отпускала его побегать по еще нескошенной траве. Он сразу терялся и у меня сжималось сердце. Вон он бежит по полю, трава высокая, он низкий и шустрый – сразу пропадает из виду. Но хвостик-антенна торчит над травой, выдает его и удаляется, удаляется. Счастливый такой хвост в этом

Моя хозяйка!

просторном, усыпанном разноцветными цветами и алыми маками поле. Кровь напоминает ему, что он охотник, а не диванный пес, и в поле полно норок кротов и полевых мышей. Он заглядывает в норки и лает, чуя их обитателей, зовет, скорее ради интереса и игры, чем с другой какой-то охотничьей мыслью – он никого не обижает! У бассета главное в охоте – голос, тяжелый бас, от которого все вокруг содрогается. Найдя норку, он лает, давая понять, что нашел кого-то, пугает зверька, тот выскакивает из норы, бежит, а бассет его гоняет, идет по следу... Я против охоты вообще! И Вилли тоже. Но найдя норку, сообщает мне, и я его хвалю. Вот он застывает, вертит носом – сколько ароматов разом! Уши то поднимаются, то опускаются, ловят звуки и шорохи, как локаторы – он счастлив, мой добрый зверь!

***

Что только не случалось в Манглиси! Он падал с висящего над бурной рекой моста – я с трудом удержала его за ошейник, рискуя слететь вместе с ним, но нас обоих вытащили. Катился с крутой горы прямо на проезжую трассу, мы чудом его заметили благодаря одному водителю, который остановился, увидев нас наверху и услышав, что мы кричим и зовем собаку... Много раз все предвещало несчастье, но благополучно заканчивалось – мы вытаскивали его отовсюду, испуганного, но счастливого. Что поделаешь, неугомонная ему попалась семья, пришлось попутешествовать и стать искателем приключений.

***

Думаю, ему, как и мне, больше нравилась осень – красивейшее время года. Мы уезжали за город и любовались всеми осенними цветами и

запахами, шуршали сухими листьями под ногами, носились и падали в осенние сугробы. Дождь он не любил, а я наоборот. Мы гуляли в дождь, я наслаждалась, а он нехотя брел и ворчал. К старости я держала над ним зонт, а он аккуратно обходил лужи. Зиму он тоже не любил, но с интересом изучал, был любознательный. Его очень удивлял снег – он лаял на него, подпрыгивал и ловил ртом снежинки, почему-то копал сугробы, что-то вынюхивал... И ждал весну.

Когда он впервые попал в морской городок, запах и красота моря привели его в изумление и восторг. Мы выходили рано, бродили по пустынному пляжу, пока солнце не начинало припекать, он шумно обнюхивал песок, удивлялся, в воду не заходил, боялся. Но пару раз мог поплавать со мной. Плавал замечательно – бассет мощный пес. Чаще сидел и смотрел, как всходило солнце, и морская гладь начинала игриво переливаться золотистыми огоньками. Если я шла в воду, он терял покой, поднимался и смотрел на меня в упор, не упуская из виду. Стоило мне немного дольше поплавать, начинал звать меня – беспокоился. Закат нас обоих завораживал, мы провожали алое солнце, уходящее за море, ждали, пока погаснет последний огонек жаркого дня и уходили домой, под кондиционер. Жара нам не нравилась...

***

Он смотрит мне прямо в глаза своим бархатым взглядом – простодушным, искренним, не оценивающим, как у людей. Если ждет чего-то, то приподнимает брови, если пытается что-то понять – уши. Это забавно! Когда понимает, радуется, лает, глаза блестят. Собачьи глаза... Такие выразительные, понятные – никогда не ошибешься, что у него на уме, если заглянешь в глаза – вот у кого они зеркало души!

***

Однажды меня остановил симпатичный юноша. «Сколько лет вашей собаке? – спросил он, – я его с детства помню...». И тут я поняла, что Вилик постарел. Старость пришла незаметно со стоном по ночам и болячками. Скоро походка стала шаткой, взгляд долгим, с прищуром, прыжок на кровать и в машину непосильным, шерсть потускнела и поседела, а расставание, пусть на полчаса, невозможным – он так горевал, выл, что я старалась не оставлять его. И разговаривая, надо было повторять несколько раз, хотя совсем недавно понимал все с полуслова. Только верное и любящее сердце оставалось прежним. Когда он заболел и стало совсем худо, пришлось оперировать, а потом долго выхаживать. Мы с ним не спали две недели после операции, лежали обнявшись, смотрели шедевры мирового кинематографа. Он любил кино, особенно хорошую музыку из фильмов, чувствовал ее и всегда подпевал, громко, с вдохновением... И я поняла, что в каждой паршивой ситуации есть капелька радости...

Прогулки стали дольше и медленней. Иногда мне не терпелось, особенно в ветер и холод, я тащила его, ворчала. Тогда он останавливался и смотрел на меня долгим взглядом, полным просьбы и укора, и мне становилось стыдно.

И пусть приснится лето

***

Все звери – красавцы. Даже самые-самые пресмыкающиеся. Потому что ничего о себе не думают, никем себя не воображают – они такие, как есть, искренние и правдивые. Просто живут и все. Вот почему мой Вилли такой красавец? Потому что всю жизнь искренне любил одного человека и этим был счастлив. Был рядом и в радости, и в горе, и в очень непростые для нашей семьи времена, когда, казалось, что на наши головы обрушился весь мир, отвернулись вчерашние друзья, и мы остались одни в страхе и отчаянии. Утешал, как мог, ждал, принимал меня любую, в любом виде и форме и не осуждал, как это делают люди, встречал так, как никто и никогда. И вообще, это собачья мудрость: счастье быть с тем, кого любишь, а любовь – это преданность.

Однажды к нам с Вилли на улице подошла старушка и сказала: «Все время наблюдаю за вами – вы так похожи!» Вот тогда я поняла, что мы достигли гармонии.

***

К нам с Вилли все время кто-то подходил, заговаривал, мы привыкли и охотно общались со всеми, фотографировались или просто отвечали на улыбки. Однажды подошла пожилая женщина с палочкой и очень жизнеутверждающей помадой, она была искусствоведом, профессором, работала в музее, и жила в одном из домов нашей длинной улицы. Мы любили по ней гулять от начала до конца, особенно, когда цвели акации. Женщина обратилась к Вилли со словами: «Собака, хочешь я буду твоей собакой?» Он поднял на нее удивленный взгляд, она засмеялась, сказала: «Генацвале!» и пояснила, что есть такой аргентинский поэт Хулио Сесар Сильвайн, который посвятил своей собаке замечательное стихотворение и посоветовала его прочитать. Мы с Вилли нашли, прочитали и тоже полюбили это стихотворение. Если у вас есть собака, то и вы поймете и полюбите. Вот оно.

У меня есть собака, значит, – у меня есть душа...

У меня есть собака, верней,
У меня есть кусок души,
А не просто собака.
Я люблю ее и порой
Очень сочувствую ей:
Нет собаки у бедной собаки моей.
И вот, когда мне бывает грустно...
А знаешь ли ты, что значит собака,
Когда тебе грустно?
...Так вот, когда мне бывает грустно,
Я обнимаю ее за шею
И говорю ей:
Собака, хочешь, я буду твоей собакой!

***

А потом случилась страшная болезнь, за всю теплую зиму впервые закружил снег – это было 25 января. И так же внезапно исчез, словно приходил за моим псом. Вилли предпочел мне эти красивые снежинки, остался верен своей оригинальности – ушел в год Собаки, и этот уход был его единственным предательством. А в начале февраля в доме появилась красивая бабочка и мне сказали, что это чья-то любящая душа. И я поверила. Такая же бабочка преследовала меня однажды, когда я шла по Марджанишвили и сердце сжималось от тоски. Повернула голову, а рядом бабочка! И люди обратили внимание и стали кричать: «Бабочка, бабочка!» и фотографи-

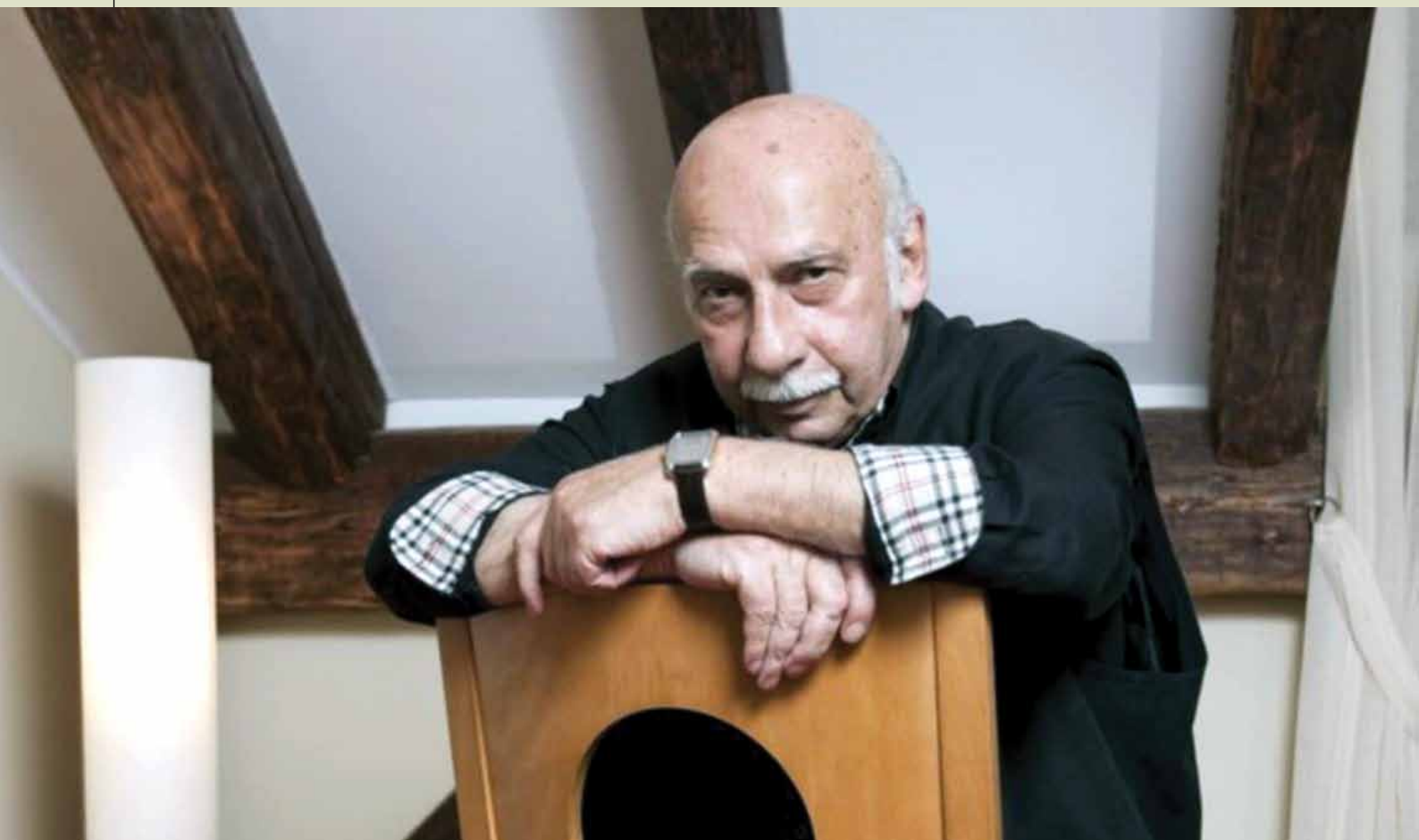
Февральское чудо

ровать это зимнее чудо. Не мог он уйти и не дать о себе знать, ведь так меня никто не любил...

***

Мне не хватает собачьего сердца с его безусловной любовью и бесконечным доверием. Но я получила этот Божий дар – пусть на такой короткий срок – и буду хранить его в своем сердце всю жизнь. Бесценный подарок...

Часто слышу, что Вилли был счастлив, потому что жил в тепле, был сыт, ухожен и любим. Но теперь я понимаю: он был счастлив, потому что у него была собака.

Гия Канчели

«АБСОЛЮТНОЙ ТИШИНЫ НЕ БЫВАЕТ»

■ **Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ**

10 августа исполняется 85 лет со дня рождения великого композитора, Народного артиста СССР и Грузии, почетного гражданина Тбилиси Гии Канчели.

Он не дожил до этого юбилея, и сегодня мы не поздравляем, а вспоминаем великого Мастера. Впрочем, мы – с горечью, болью, но и радостью – можем поздравить себя – с тем, что мы жили и живем в эпоху Канчели, что были его современниками.

Его сочинения для оркестра, произведения камерной и инструментальной, вокальной и хоровой музыки давно стали классикой. Мелодии Канчели к кинофильмам «Не горюй», «Мимино», «Кин-дза-дза», «Паспорт», «Голубые горы» и десяткам других у всех на слуху, их узнают, как говорится, с первых трех нот.

Грибоедовцы горды, что

именно на их сцене Гия Канчели впервые выступил как автор театральной музыки – к спектаклю «Человек со звезды». А в 2015 году тбилисцы и гости столицы рукоплескали «Хануме», поставленной к 160-летию Русского театра Грузии, незабываемой музыке Гии Канчели и самому композитору, который находился в зрительном зале в качестве самого почетного гостя и дорогого друга.

«Писать о Канчели, – признавался известный музыковед, доктор искусствоведения Гулбат Торадзе, – трудно, потому что его отличает удивительное богатство творческой палитры: образно-художественной, жанровой, стилистической, психологической. Рафинированный, интеллектуальный, чувственный мир симфоний парадоксально соседствует с балаганно-пародийным, порой плакатным буй-

ством красок и ритмов его театральной музыки, тщательная выверенность и скрупулезный отбор оркестровых средств – с броской яркостью и пестротой поп-музыки. Самое же трудное заключается во все еще не разгаданной, как мне кажется, природе симфонической музыки Канчели, хотя за прошедшие годы появился целый ряд превосходных содержательных исследований, ей посвященных. В чем секрет массового, я бы сказал, гипнотического воздействия этой яростной и прекрасной в своей самоуглубленной созерцательности музыки, когда слушатель, точно замороженный, следит за перипетиями развертывающейся перед ним звуковой панорамы? Вот в чем главный вопрос и, должен признаться, однозначного ответа на него у меня нет, как не нашел я его и у других авторов, писавших о Канчели. Каждое новое прослушивание музыки Канчели открывает перед нами какие-то дополнительные художественные грани, высвечивает дотоле скрытые, но очень важные детали и нюансы».

Гия Канчели, Роберт Стуруа и Гоги Алекси-Месхишвили

«Единственный язык, который не нуждается в переводе – музыка, – говорил Гия Александрович в эксклюзивном интервью журналу «Русский клуб». – Исходя из этого, музыка возникает, с одной стороны, на абсолютно пустом месте, а с другой, за музыкой стоит многовековая традиция. Ведь мы ничего нового не создаем. Мы просто берем звуки определенной высоты, и с помощью определенных комбинаций иногда следуем за нашей интуицией, иногда – за каким-то душевным состоянием... Для меня очень большое значение имеет тишина. У меня какое-то особенное отношение к тишине, и я всегда стараюсь или в нее уходить, или из нее приходить. Вы знаете, абсолютной тишины ведь не бывает. У Джона Кейджа есть сочинение, которое называется «Четыре минуты тридцать три секунды». И ничего не происходит: выходит пианист, садится за рояль, сидит и потом уходит. Но и здесь абсолютной тишины не бывает, поэтому он и пошел на такой шаг. Всегда происхо-

С. Г. Кремером и Дж. Кахидзе

дят какие-то дуновения, какие-то шорохи. Или ветер. Абсолютная тишина может быть только в Мавзолее Ленина».

Вспоминаются слова, которыми грибоедовцы выразили свою скорбь в трагические дни прощания с Гией Канчели: «Наши боль и скорбь – безмерны. Ушел великий композитор, сокровище грузинской нации, гордость нашего Отечества, наш старший товарищ. Мы ни-

когда не забудем его доброго отношения к Театру Грибоедова, теплые слова, которыми он всегда поздравлял наш театр в дни праздников и юбилеев – для нас это всегда было не только большой радостью, но и честью. Нам нечем себя утешить – утрата слишком велика».

Увы, эти слова наполнены все той же болью. Время не лечит...

Лиана Шахвердян – уроженка Тбилиси, ныне проживает в Армении, в Ереване. Окончила механико-математический факультет Тбилисского государственного университета, преподавала в Москве и Тбилиси.

Автор многочисленных публикаций в журналах «Литературная Армения» (N1, 2019, Ереван), «Гантиади» (NN7, 8, 2019, Тбилиси), «Веси» (N7, 2019, Екатеринбург), «Дружба народов» (N9, 2017, Москва), «Знаци» (N2, 2017, Варна), «На холмах Грузии» (N22, 2015, Тбилиси), в Антологии современной славянской поэзии (Варна) «Словоприношение» (2017) и «Хлеб наш насущный» (2019), в литературном проекте «Вещество» («Человек», 2018) и других изданиях. Соавтор многих литературных сборников прозы и поэзии, изданных как в Армении, так и в России. Участница, финалистка международных литературных конкурсов и фестивалей, в том числе, XI Международного фестиваля поэзии «Славянска Прегръдка» («Славянское объятие», 2017) в Болгарии. (Шорт-лист конкурса «Дорога к Храму», шорт-лист конкурса им. А.С. Грибоедова, лонг-лист премии им. И. Бабеля, лонг-лист конкурса «Славянский Витязь»).

Почетный член Пушкинского общества русскоязычных литераторов Грузии «Арион».

Автор книг «Многогочие» (Ереван, 2015), «Весна и тчаяния» (Ереван, 2018). Готовится третий сборник.

АНГЕЛ

Вавилонская башня рухнула...

■ Лиана ШАХВЕРДЯН

Из книги «Весна отчаяния»

Раннее утро ноябрьского неба не подавало надежд на рассвет. Третьи сутки беспросветно лил дождь: отбивал верный ритм о крышу дома и подоконник. Казалось, нет ничего за окном в эту глубокую осень. И потому тем труднее было безучастному моему телу и туманному сознанию выйти из многослойной размерности снов: предательский глаз ревностно зазывал рассвет, ум – беспокойно сторожил звонок будильника...

В тот день я благополучно проспала. Опоздав на рейсовую маршрутку, оказалась на пустом автовокзале. Сокрушалась на себя, непогоду, уехавшую машину, но, немного успокоившись, решила не возвращаться домой, а дожидаться частного рейса. Зайдя наугад в ближайший офис, занимающийся перевозками пассажиров из Тбилиси в Ереван, я заинтересовалась у мужчины лет пятидесяти, водителя машины. Его звали Армен...

– Сколько времени нужно, чтобы набрать клиентов?

– Бывает и за полчаса набираем, а иногда – приходится подождать, – ответил он.

– Значит, сегодня у нас второй случай, – нервно заерзала я.

– Вы не переживайте. Если вам сегодня нужно быть в Ереване, вы – будете, – неспешно заверил сидящий за компьютерным столом рослый худощавый юноша, лет двадцати пяти. Это был диспетчер офиса.

Я, конечно же, не успокоилась. В сумбурной голове мрачно прокручивались варианты опоздания на работу, выговоров, нотаций со стороны начальства, когда дверь офиса отворилась, и в помещение вошел пожилой низкорослый мужчина,

в руках – небольшая коробка. Он поприветствовал всех на грузинском языке, потом перешел на непонятный язык. На первый взгляд мужчина производил впечатление тбилисского азербайджанца. Но оказалось, что он приветствовал диспетчера на езидском языке. Мужчина положил коробку на пол рядом с диваном, потом развернул сверток и стал демонстрировать мужской свитер светло-кремового цвета.

– Девушка, скажите, пожалуйста, – вдруг обратился ко мне Мелик (так звали мужчину), – вам нравится цвет этого свитера? Вот, Арлен (диспетчер) говорит, что этот свитер мне не к лицу и очень старит.

Меня, конечно же, удивила непосредственность незнакомца, но, немного приглядевшись, я ответила.

– Вы знаете, мне кажется, что вам, действительно, не идет этот цвет.

– Хорошо, я все понял, – перебил он меня. – Извините, уважаемая, у меня к вам просьба. Не считите за наглость, не могли бы вы подобрать мне свитер на свой вкус? Ларек прямо за этим офисом. Вы посмотрите, что вам понравится, а я уж сам все обменяю. Понимаете, я еду в гости в Ереван, на свадьбу. Хочу немного обновиться. Все-таки, такое дело...

Поначалу просьбу незнакомца я приняла за бесцеремонность, но... он производил впечатление порядочного человека, располагал к себе приветливостью и был немногим моложе моего отца... Я согласилась ему помочь. Выбора большого в ларьке не оказалось. В основном – одежда спортивно-молодежного стиля.

– Я посмотрела. Вам может подойти темно-голубой свитер с

Автовокзал в Ортачала

белыми оленями на груди, – посоветовала ему я.

– С белыми оленями. Темно-голубой. Спасибо, дорогая! – сказал он, собравшись идти на обмен.

– Пожалуйста, отец! – ответила ему я.

И тут выражение лица Мелика изменилось.

– Неужели я так старо выгляжу, что вы назвали меня отцом? – сказал он как-то «в сердцах» и поспешил выйти из помещения.

Я, конечно же, не хотела обижать незнакомца и потому обратилась к диспетчеру.

– Знаете, Арлен, у меня недавно скончался отец. Я прямо с сорока дней... Вы уж как-нибудь объясните ему, что мужчины старше шестидесяти для меня – отцы.

– Передам, – сказал Арлен, утвердительно покачав головой.

Мелик вернулся в новом свитере. Он широко улыбнулся и сказал, что будет помнить, что этот свитер выбирала ему я, потом – сел на место диспетчера, который к этому моменту вышел, и стал набирать телефонный номер.

– Здравствуйте, Тамара Николаевна! Как вы, дорогая! – начал он учтиво на русском. – Да,

калбатано, Тамара. Мэ каргад вар (– Да, дорогая Тамара. У меня все хорошо.). Вы же знаете, что я о вас всегда помню, вашу семью, родителей. Царствие им Небесное!.. Как ваше здоровье? Немного пошаливает сердце? О, да, сейчас у всех давление и сердце. Любви нам не хватает, дорогая, оттого и проблемы с сердцем.

Поначалу я подумала, что Тамара Николаевна – русская, потом, когда он перешел на грузинский – грузинка, но когда, в самом конце разговора, он перешел на армянский, я поняла, что на том конце провода – армянка. «Настоящий тбилисец! Не человек, а полиглот!» – подумала я про себя.

– Собственно, инчи амар ем зангел, аргелис (– Собственно, зачем я позвонил, дорогая (арм.), – продолжал он, – чтобы спросить, сдастся ли комната Рубена на Леселидзе? Да?! И за сколько вы будете сдавать? О, да! Отлично! Я вам перезвоню через десять минут.

Через полчаса Мелик опять набирал номер Тамары Николаевны, а рядом стояла высокая и невзрачная девица.

– Да, Тamarочка, это снова я! Тут рядом со мной Нуну, офи-

циантка из того самого кафе, где хозяин ищет для повара жилье. Предупреждаю, дорогая, его зовут Ахмед. Да. Он – турок, но очень порядочный и доброжелательный человек. Я головой за него ручаюсь. Вы же знаете меня, дорогая, я плохого человека вам рекомендовать не буду! Нет, не националист. Да, женщин приводить не будет, он женат, у него жена и дети в Стамбуле. Ему нужно место для ночевки, потому как все время он проводит на работе. Отлично, дорогая! Я сейчас передам телефон Нуну. И, да! Тamarочка, умоляю погадайте, пожалуйста, Нуну на кофейной гуще – когда у нее откроется судьба?! Она уже давно ходит в девках! Красивая, молодая, а не замужем. Да, все! Передаю.

Трубку взяла Нуну и стала говорить каким-то вялым, безучастным голосом. Речь ее была сбивчива и бестолкова. Безвкусный микс по сравнению с выразительной и смачной лексикой Мелика произвел на меня удручающее впечатление. Я даже подумала, что не случайно она ходит в девках.

И тут я опять сникла. Потому как, развлекаясь каламбуром Мелика, индифферентностью

Нуну, я убила каких-то полчаса, а новых пассажиров все не было.

– Вы приуныли! – заметил Мелик. – Как вы можете предаваться печалю, когда рядом ангел?

– Какой ангел? – спросила я. – Что вы имеете в виду?

– Во-первых, вокруг нас много невидимых ангелов, дорогая! И если вам нужно быть в Ереване сегодня вечером – обязательно будете! А, во-вторых, – действительно, среди нас есть живой ангел! Гляньте-ка в ту коробку, под диваном. Там вас ждет большой сюрприз!

Я открыла коробку, которую принес Мелик. Там, действительно, сидел белый голубь.

– Как?! Живой, настоящий! – воскликнула я в изумлении.

– Не живой, а живая! И настоящая! Это – голубка. Это – она.

– Вы ее везете в Ереван?

– Да. В прошлом году я по ошибке двух мамалов (мамали – петух (груз.)) подарил своим друзьям. Не дело! Вот сейчас везу на обмен. Одного мамала верну, а ее оставлю там. Пусть плодятся, размножаются нам на радость! А то нехорошо – два жениха и без невесты!

– Значит, Вы правы! Я – с ангелом!

– Да, дорогая. Но спешите жить, а то упустите счастье...

Слова Мелика и голубка меня успокоили. Шел третий час мое-

го ожидания на автовокзале, и я смирилась с тем, что еще не в пути. И тут почему-то мысленно обратилась к своему отцу, впервые после сорок дней его ухода..., просила подать знак, что делать, когда... неожиданно к дверям подошла молодая пара: укутанная в платок красивая девушка, в джинсах, в кожаной куртке и не менее интересный юноша, одетый также в куртку, джинсы, в руках – две большие спортивные сумки. Они прошли в помещение, и поскольку Арлен вышел, обратилась ко мне:

– Do you speak English?

– Yes, I do.

Выяснилось, что пара из Тегерана путешествовала в свадебном вояже по Грузии, направлялась в Армению, а от туда – домой, в Иран. Они не владели ни грузинским, ни русским. Потому, когда вернулись диспетчер, водитель Армен и Мелик, единственным мостиком общения стала я. У девушки был необыкновенно теплый и мягкий взгляд, золотистый цвет кожи, длинные волосы спрятаны в синий платок. Юноша тоже оказался на редкость симпатичным. Высокий, подтянутый, спортивного телосложения. Пара смотрелась весьма гармонично, да и имена у них были созвучны: Ширин и Амир.

Амир в основном молчал, а Ширин – наоборот, рассказала, что она по профессии модельер и что в Тегеране имеет салон

женской одежды и ее интересуется налаживание бизнеса в Грузии. Потом поделилась впечатлениями о Тбилиси, Мцхета, Сигнахи. Тут неожиданно позвонил телефон, и Мелик радостно объявил, что у нас, наконец, есть еще два новых пассажира!

Первым из подобранных по дороге пассажиров оказался маленький, круглолицый, темнокожий юноша – Амар из Индии. Второго попутчика (его друга) мы выбрали на Исани (район в Тбилиси), у гостиничного комплекса. Он тоже оказался индусом, более рослым, крепкого телосложения. Его звали Аша. Он довольно сносно изъяснялся на грузинском языке.

Амар и Аша проживали некоторое время в Тбилиси, находясь здесь на заработках. Аша сказал, что работает барменом в ночном заведении на Песках (район в Тбилиси, расположенный в самом центре старого города), а Амар – поваром в восточном ресторане. У Амара была большая семья: двенадцать человек братьев и сестер, и он, как старший, отсылал часть заработка в Дели. Аша в Тбилиси, помимо прочего, учился на врача. Разговорившись, он сказал, что его имя в переводе на грузинский означает «надежда», а Амара – «бессмертный». И Мелик, как-то кстати, радостно заметил, что с «бессмертной надеждой» состав пассажиров стал совсем интернациональ-

ным (два индуса, два перса, езид, два армянина), и что сам Бог нам – в помощь! А Бог нам, действительно, был в помощь, потому как не было у нас общего языка для общения, а пассажиры оказались на редкость открытыми и словоохотливыми. И если Амар владел английским, то Аша не знал никакого, кроме своего родного. Если Ширин немного говорила на английском, то Амир его не понимал. А Армен и Мелик и вовсе не знали английского. Понятны им были грузинский, русский и армянский. В общем, мне сразу на ум пришла легенда о Вавилонской башне...

Поначалу, с охотой приняв на себя роль переводчицы, я с радостью перескакивала с одного языка на другой, но через два часа пути, изрядно утомленная непростым днем, незаметно для себя заснула... с голубкой на коленях... И мне приснилось: Мелик рассказывал про свадьбу, на которую собирался ехать, приглашал всю компанию принять в ней участие... Амар и Аша, Ширин и Амир с радостью приняли предложение, благодарили, а Армен, как гостеприимный хозяин, собирался организовать экскурсию по Еревану и Эчмиадзину. Потом – они выпускали голубку-невесту вместе с тем «мамалом», которого по ошибке Мелик привез в прошлую поездку... Высоко, в голубом небе с клубящимися облаками, стояло солнце и напутственно освещало их обряд... И все вокруг было движением!.. Откуда-то доносился звон колоколов, оттачивающий ритм, в котором они (два христианина, два мусульманина, два индуса и один «почитатель» Солнца) усердно, с распростертыми руками, со взорами в небеса, а кто – просто опустив голову, закрыв глаза, на общем языке сердца и открытой души обращали молитвы к Богу...

«Оооооооооо! Амиинь!» – в конце произнесли они.

Создатель был ими доволен!..

Вавилонская башня рухнула!..

Сердце мое открылось, испуская по всем направлениям, словно вьющиеся лианы, невидимые нити...

димые нити...

Глаз голубки... увеличился до человеческих размеров, как будто кто-то приблизил лицо, отогревая теплым дыханием мой уставший за день мозг, а я – благодарила отца, явившегося ко мне сиянием солнечного блика, за сегодняшний день, за дорогу, за добросердечных попутчиков...

Прибытия в город я не заметила, как и не запомнила самого прощания с попутчиками.

Прошло несколько месяцев. Я, пребывая в рабочем режиме преподавателя математики, напрочь забыла об интернациональном рейсе, голубке и не думала, что когда-нибудь эта история, как это нередко бывает, отдаленным эхом того ноябрьского дня вернется. В один из теплых майских вечеров неожиданно в дверь позвонил молодой симпатичный мужчина лет пятидесяти. Среднего роста. В спортивной одежде. Несколько запыхавшийся и пытающийся совладать с волнением и учащенным дыханием...

– Девушка, я прошу вас, не удивляйтесь! Извините за беспокойство. Но... мой голубь у вас на балконе, – начал он с порога.

– Что случилось? – несколько встревожившись, спросила его я.

– Мой голубь! Он у вас на балконе. Понимаете... – глотая слова, ответил он.

– Какой голубь, уважаемый?! – резко перебила я, приняв его за мошенника и проходимца. – Тут полно диких голубей, я их просто подкармливаю, если один из них ваш...

– Нет, девушка, мой не дикий, а домашний и белый. Он у вас на балконе сидит. А если точнее, это – она.

После последних его слов меня переклинило, словно я где-то их слышала...

– Только не ходите сами на балкон. Спугнете – улетит. Я за ней уже целый час бегаю. Если можно, позвольте мне пройти в квартиру, на балкон, – закончил он.

Внимательно посмотрев в глаза незнакомцу (взгляд у него был глубокий и спокойный), я

решилась его впустить в квартиру. Изумлению моему и восторгу не было предела: белая голубка, действительно, тихо сидела там.

Мужчина аккуратненько подобрал птицу. Затем, нежно поглаживая ее по головке, поблагодарил меня за помощь. Выходя из дому, уже за порогом, слегка поколебавшись, неожиданно повернулся, представился Арменом... и добавил: «Вы знаете, голуби просто так не прилетают. Это весточка». Широко улыбнулся, поклонился и ушел.

А я еще долго стояла, смотрела ему вслед, вспоминала тот самый дождливый ноябрьский день, дорогу, попутчиков, голубку на коленях, вавилонскую башню, солнечный блик во сне и во всем, как и сейчас, ощущала доброе присутствие моего отца...

Георгий Данелия

ХРЕСТОМАТИЯ ДАНЕЛИАДЫ

■ **Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ**

Внимание, объявляется посадка на рейс к созвездию Георгия Данелия. Полет посвящается его 90-летию. Просим подняться на борт пепелаца безбилетных пассажиров с чеширскими котами. Главное правило во время полета – тостуемый пьет до дна. Владелец «КЦ» просим зажечь свечи в память о великом режиссере.

Земной путь Данелия отмечен 88 годами. Георгий Николаевич ушел в апреле 2019, оставив после себя светлое чувство веры в порядочность человечества. За шестьдесят лет служения кино он снял культовые фильмы и написал несколько книг. Лучше, чем он сам рассказал о себе, работе и окружающем мире, не скажешь. Данелия обладал редким даром – рассказывать откровенно, без прикрас, не быть равнодушным

созерцателем и в то же время не судить других, воспринимать любую ситуацию с юмором. Он умудрился ни о ком не отозваться дурно, никого не обидеть. «... Мне кажется, что жизнь – полустанок: ехал в поезде, сошел на полустанке, потом поедешь дальше. Только, пока ты на полустанке, ты не помнишь предыдущего пути и не знаешь, что будет потом. А там, в поезде, ты снова встретишь тех, кого хочешь встретить. Мне повезло, я хочу встретить многих», – написал он в своих воспоминаниях.

ПЛАНЕТА ЧУДАКОВ

Его поезд заполнен взрослыми детьми всех возрастов и народов – людьми, которые не утратили способность удивляться и жить с интересом, а также любимыми котами, козлами, помогающими добраться до

крова подвыпившим пастухам, собаками, не нуждающимися в дрессировке, белыми медведями, ладящими с полярниками и бурыми медведями, бухающими с артистами. В этом межпланетном ковчеге нет второстепенных персонажей, у каждого своя партия и своя неповторимая миссия. Режиссер однажды сознался, что не может провести четкую грань между своими фантазиями и реальностью. Экранная жизнь его героев порой кажется частью нашей обыденной жизнью, настолько глубоко она вошла в наше сознание.

Скульптуры героев картины «Мимино» появились почти десять лет назад и в Тбилиси, и в Дилижане. Не будем спорить, который раньше и который лучше – авлабарский создал Зураб Церетели, потому он крупнее, автор дилижанского – Армен Варданян разместил Кикабидзе, Леонова и Фрунзика Мкртчяна у фонтанчика с питьевой водой – цайтахбюр, «второй по вкусу в мире». На тбилисском памятнике чуть позади Валико, Рубика и фронтовика Волохова стоит Гия Данелия, который как будто прислушивается к репликам персонажей. Вот так и в жизни. Порой в тему сказанная цитата: «Я тебе один умный вещь скажу, только ты не обижайся» помогает найти выход из тупика, разрядить накаленную обстановку. Молчу про сувенирные майки с надписью: «Ларису Ивановну хочу» – есть спрос и на такую продукцию.

«АМАРКОРД»

Фильмы Данелия можно пересматривать по многу раз и всегда находить в них новые сверкающие «брызги шампанского». Образы вспыхивают яркими гранями, врезаются в память: маляр-«колорист» («Мимино») аккордеонистка («Афоня»), сокамерник с фразой: «Конфетку хочешь? Нету!» («Не горюй!»). Бесконечный калейдоскоп эпизодических персонажей в фильмах Данелия конкурирует с колоритными фигурами киномира Феллини. Неслучайно именно Георгий Данелия был первым удостоен приза «Амаркорд». История появления этой награды для

фестиваля в Римини, родного города Феллини, такова: Сергей Параджанов, находясь в колонии, гвоздем на фольге от молочных бутылок сделал медальон с изображением Девы Марии, а позднее подарил его Тонино Гуэрра. Тонино отлил медальон в серебре и передал Феллини. Маэстро сказал: «Давай из этого медальона сделаем приз и назовем «Амаркорд». В 1991 году Данелия представлял в Римини внеконкурсный фильм «Настя». Никаких наград не ожидал. Феллини лечился в больнице и не видел в тот год конкурсных фильмов, зато запомнил фильм «Не горюй!», который ему очень понравился. По его предложению «Амаркорд» был вручен Данелия. Георгий Николаевич считал этот приз своей самой почетной наградой.

Для тех, кто привык ездить с билетами и придерживаться правил – перечислим важнейшие регалии Данелия – лауреат Государственной премии СССР (1978), премии имени братьев Васильевых (1981). Награжден российскими орденами «За заслуги перед Отечеством» II степени и III степени, советскими орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», грузинским Орденом Чести. С 1985 года Данелия – почетный

гражданин Тбилиси. Георгий Данелия – лауреат различных кинонаград, в их числе – «Ника» и «Золотой орел». Первый фильм «Сережа» начинающего режиссера, снятый совместно с Игорем Таланкиным, был удостоен «Хрустального глобуса» – главного приза кинофестиваля в Карловых Варах. «Осенний марафон» был отмечен на Берлинском кинофестивале в 1980 году.

«ГЕНЕРАЛЬСКИЙ СЫНОК»

Будущие родители режиссера познакомились в Кутаиси. Николай Данелия дружил со старшим братом Мери Анджапаридзе. Однажды шестилетняя девочка, играя вслепую, обыграла в шахматы брата и его друзей, и получила за это подзатыльник, но Коля за нее вступился. Влюбленный юноша был из крестьянской семьи, но сумел завоевать любовь своей избранницы из знатного рода, родной сестры Верико Анджапаридзе. В 1930 году в Тбилиси появился на свет Гия Данелия. Вскоре отец был командирован на Дальний Восток на строительство железной дороги, а затем стал одним из руководящих специалистов московского «Метростроя». Мери Ивлианова много лет проработала режиссером-постановщиком на

«Мосфильме». Николай Данелия вышел на пенсию в чине генерал-лейтенанта – метростроевцам присваивали воинские звания. Гия не распространялся в школе, какой пост занимает отец, не хотел, чтобы его называли «генеральским сыночком».

ПРИФРОНТОВОЙ ТБИЛИСИ

В книге «Безбилетный пассажир» Данелия пишет о начале войны: «А мы с мамой застряли в Тбилиси на два года – жили в доме Верико. Мама работала помощником режиссера на «Грузия-фильм», а я четвертый и пятый класс проучился в 42-й русской школе. ...Когда я вспоминаю Тбилиси тех лет, перед глазами такая картина: посередине улицы Ленина, под уклон, на тележках с колесиками из подшиповников, отталкиваясь руками от мостовой, мчатся два безногих парня лет двадцати, русский и грузин, в тельняшках и бескозырках с ленточками. Ленточки развеваются, раненые горланят: «Вара-вара-вара, приехал я в Париж!» – песня из популярного тогда американского фильма «Три мушкетера». (Через много лет такой эпизод мы с Сергеем Бодровым вставили в сценарий фильма «Француз», который снимала моя жена Гая.)

Тогда в Тбилиси редко мож-

На съемках фильма «Афоня»

С Вахтангом Кинабидзе и Фрунзином Мкртчяном

но было встретить не искалеченных мужчин призывного возраста. Грузинский призыв отправили под Керчь, и там почти все погибли. Похоронки, похоронки, похоронки... Не вернулись и мои двоюродные братья, мои кумиры, мастера спорта по боксу Олежка и Игрунчик Иващенко.

...Как и все мальчишки, я хотел убежать на фронт. И мы с моим другом и одноклассником Шуриком Муратовым – Шурмуром – стали готовиться к побегу. Экономили хлеб и сушили сухари (трудно было удержаться и сразу их не съесть). Выменяли у раненых в госпитале бутылку чачи на наган и три пули (чачу Шурмур спер из дома). Но главное – учились на ходу прыгать с поезда: контролеры, часовые, милиция вылавливали таких, как мы, и отправляли домой». В последний момент Гия отказался бежать, он понял: «... на фронт бежать не могу: мама без меня пропадет, она такая беспомощная, совсем не приспособлена к жизни». От отца из Москвы пришло письмо, в котором он сообщал, что болен туберкулезом. «Хорошо, что не

чахотка», – подумал мальчик. Весной сорок третьего Гия с мамой вернулись в Москву. Отец, чтобы встретить их, сбежал из госпиталя. Он заявил – лечиться буду после войны, работал сутками под землей, выкуривал по пачке папирос в день, и победил болезнь.

ПУТЬ К ЭКРАНУ

И вот настал неизбежный момент выбора жизненного пути для подросшего Георгия.

«– Надо отдать его во ВГИК, – сказал отец, когда я окончил школу, – куда его, дурака, еще девать? Он считал работу в кино несерьезным занятием и предложил ВГИК, как крайний вариант. Мама знала многих мастеров ВГИКа, а муж ее сестры, Верико Анджапаридзе, кинорежиссер Михаил Чиаурели снимал фильмы о Сталине и был тогда одним из самых влиятельных деятелей кино. Но поступать во ВГИК я отказался – блат был чересчур явным. И к тому же никакой тяги к режиссуре у меня не было».

Данелия поступил в архитектурный институт, получив диплом, несколько лет отработал

в КБ, вернее, тянул там рабочее время в курилке. Убедившись, что советского Корбюзье из него не получится, он решил поступать на режиссерские курсы при «Мосфильме». К тому времени ситуация резко изменилась – после разоблачения культа личности Сталина Михаил Чиаурели был в опале, которая автоматически распространилась на всех родственников. Мери Ивлиановна посоветовала сыну пойти на консультацию к другу семьи Михаилу Калатозову. Гия не произвел на знаменитого режиссера должного впечатления и понял, что пора уходить. У лифта вспомнил, что забыл в кабинете папку. Калатозов в эту папку заглянул и увидел рисунки – раскадровку чеховского рассказа «Хамелеон». Динамичные картинки решили судьбу Данелия. Члены приемной комиссии во главе с Пырьевым приняли нашего героя на режиссерские курсы при «Мосфильме». Среди его учителей были Михаил Ромм, Сергей Юткевич и Михаил Калатозов.

ЛИЧНЫЙ ОПЫТ

«Каждое лето мама брала

Кадр из фильма «Кин-дза-дза!»

меня с собой в экспедиции. Поэтому как снимается кино на практике, какое это мутное занятие, я знал лучше, чем они», – написал Данелия о своих сокурсниках по учебе.

О практическом знании специфики кино Данелия рассказал на примере своего участия в съемках фильма «Георгий Саакадзе». Пользуясь родственными связями, подросток выпросил у реквизиторов и костюмеров обмундирование и лошадь. Пришлось довольствоваться нарядом турка и кобылой из цыганского табора. Для исполнителей главных ролей были припасены скакуны из специального конного полка. Чтобы не попасться на глаза матери, мальчик затесался в гуще «вражеского» войска. После команды: «Мотор!» две конницы синхронно поскакали друг другу навстречу. «Я был счастлив! Моя цыганочка шла хорошим галопом и ничуть не уступала другим лошадям. Но перед камерой, в самом центре кадра, вдруг остановилась и стала выпендриваться. Она взбрыкивала и, пытаясь меня сбросить, чуть не стойку делала

на передних ногах. А я висел у нее на шее, вцепившись в гриву, шлем съехал на брови, сабля оказалась на спине и била по голове.

– Что за кретин там в кадре?! – раздался истошный крик оператора.

– Стоп! – закричал в рупор Чиаурели. – Грузины, стойте! Остановитесь!

Но остановить грузинское войско было уже невозможно: прямо на меня несся Георгий Саакадзе. Перед моей выпендривающейся цыганочкой его араб вдруг резко затормозил, и великий полководец вылетел из седла. Что было потом, пропускаем. Почти месяц меня и близко к съемкам не подпускали»...

GLORIA MUNDI

Но прежде чем стать знаменитым режиссером, Данелия прошел через увлечение джазом. Было это в школьные годы, ансамбль юных любителей пользовался бешеной популярностью, а когда его запретили, школьники стали играть джаз под девизом «высмеивания» западной музыки. «В Уланском,

на Сретенке и на Мархлевского меня все школьники узнавали! А среди «мелочи» (второй-третьей класс) шла борьба за честь нести на концерт мой барабан и тарелку. Победил заика-Козленок, парень из третьего «Б». Я затыкал палочки за пояс, засовывал руки в карманы и шел, насвистывая сквозь зубы, а впереди важно вышагивал гордый Козленок с моими инструментами в руках... Вот когда я был знаменитым!».

Спустя много лет на творческой встрече в Доме архитекторов, сведущие люди предложили устроить состязание на звание лучшего ударника между гостями – Евгением Евстигнеевым и Георгием Данелия. Евстигнеев был виртуозом, но архитекторы отстаивали «своего» пусть бывшего коллегу. Тогда решили спросить мнение профессионального ударника, уступившего свое место соперникам. И тот отдал победу Данелия. В фойе музыкант подошел к победителю и тихо спросил: «Г-гия, ты меня не узнаешь, я – Козленок».

Еще одна волна популярности накрыла Гию в Тбилиси, где

Кадр из фильма «Осенний марафон»

он научился делать татуировки. Но на свою беду, накалявая на плече хулигана Жора могильный холмик с крестом и надпись: «Нет в жизни счастья», он пропустил букву в слове «счастье». Разъяренный Жора собирался поколотить «художника», но потом в качестве компенсации за моральный ущерб согласился на моральную компенсацию – наколку в виде кинжала, обвитого змеей с чешуей. «Чешуя особенно ценилась, колоть ее было долго и мучительно», – уточняет Данелия.

Лет через пятнадцать Данелия приехал в Тбилиси и стоял на площади Ленина на трамвайной остановке. «Подшел третий номер, из окошка высунулся вожатый трамвая и радостно закричал: «Привет, художник!». Пригляделся – Жора! Подошел, поздоровался. «Залезай! По благу без билета довезу!». Я сказал, что мне нужен пятый номер. Жора закричал, что трамвай сломался, и пусть пассажиры немедленно вылезают! Пассажиры вышли, и Жора без остановок довез меня в пустом трамвае до улицы Николадзе. Прощаясь, я написал свой телефон и адрес и дал Жоре. «Будешь в Москве, заходи». Жора

взглянул и вернул мне листок: «С другой стороны нарисуй кинжал со змеей. Традиция!». В слове «Москва» я пропустил букву «в».

ЭНЕРГЕТИКА ДОБРА

«Я сам часто ишу объяснения, почему фильмы советских кинематографистов так любимы. Может быть, дело в том, что в них заложена энергетика добра?! Хотя взять, например, мою картину «Слезы капали». По режиссуре – классная работа, но почему-то не пользуется такой популярностью. Наверное, не совсем хороший фильм. А вот такие, как «Афоня» или «Тридцать три», любимы. Они простые, оттуда добром веет», – сказал режиссер в одном из интервью.

Свой первый фильм «Сережа» Данелия снимал вместе с Игорем Таланкиным в 1959 году. Последней работой режиссера стал полнометражный анимационный фильм «Ку! Кин-дза-дза», вышедший в 2012 году после семилетней работы. Фабула одна та же, что и в художественном фильме «Кин-дза-дза!», а герои другие.

Всего Георгий Данелия поставил 17 картин, в числе ко-

торых всенародно любимые, культовые и не нуждающиеся в представлении: «Я шагаю по Москве», «Не горюй!», «Афоня», «Осенний марафон», «Мишино», «Паспорт», «Кин-дза-дза!».

Данелия утверждает, что его всегда интересовали герои, а не история. Большинство сценариев он написал в соавторстве с Викторией Токаревой, Резо Габриадзе, Виктором Конечкиным, сценарий анимационного фильма вместе с Александром Адабашьяном.

«Я уже 60 лет в кино, и мне все время хотелось одного – чтобы все мои фильмы были разными. Вышел «Путь к причалу», про божьего человека Росомуху – и отбоя не стало от сценариев про моряков и летчиков, а после «Я шагаю по Москве» – от лирических сценариев. А ведь мои фильмы не похожи друг на друга абсолютно – ни по героям, ни по стилистике», – подчеркивает Георгий Николаевич.

Однако все его работы роднит одна общая особенность. Если случайно по телевизору показывают его фильм, то уже не оторваться. В десятый раз будешь переживать за капитана «Фортуны», запутавшегося

интеллекта Бузыкина, уходящего в темноту доктора Левана Цинцадзе. В фильмах Георгия Данелия блистали – Серго Закариадзе, Евгений Леонов, Буба Кикабидзе, Софико Чиаурели, Фрунзик Мкртчян, Марина Неелова, Олег Басилашвили, Олег Янковский, Евгения Симонова, Леонид Куравлев, Наталья Гундарева, Галина Польских и другие прекрасные актеры. Какой бы величины звезды не снимались в картинах Данелия – в главной роли или в эпизоде – под управлением режиссера они всегда создают слаженный ансамбль. Однажды Юрий Рост уговорил Неелову сняться в эпизоде фильма «Настя». И она великолепно сыграла старую ведьму с велосипедом. Но эпизод на экране выглядел сольным номером, колдунья и Настя были из разных кино. Данелия извинился перед Нееловой и переснял сцену с Ниной Тер-Осипян.

Еще одна из составляющих успеха шедевров Данелия – музыка к его фильмам, созданная выдающимися композиторами. Данелия работал с замечательным Андреем Петровым. Затем музыку для фильмов Данелия стал писать Гия Канчели, один из самых известных композиторов современности. Режиссер задавался вопросом, почему композитор терпит все его «диктаторские требования» заменить «та-та-та» на «ти-ти-ти». И только изредка позволяет себе поорать, чтобы отвести душу: «Тебе сто лет! Выучи ноты, наконец. Их всего семь!». Объяснение находит одно – из чувства дружбы.

ТВОРЧЕСКОЕ КРЕДО

Фильмы Данелия состоят из вереницы эпизодов, экранное время в его фильмах спрессовано невероятным образом – в нем нет пустот, при этом дышится легко, все логически связано, не перегружено, искрится юмором и житейской мудростью. Данелия снимал кино самой высокой пробы, умудряясь сделать его понятным каждому зрителю. «Я, к счастью, быстро понял: если буду снимать, рассчитывая на успех, – вообще никогда ничего не сниму. Снимать надо то, что самому нравится и

Кадр из фильма «Не горюй!»

за что потом будет не стыдно», – пишет режиссер.

Несколько раз Данелия делал попытки экранизировать классику, но сценарии по «Преступлению и наказанию» и «Хаджи Мурату» так и не были созданы. Зато картина по мотивам «Приключений Гекльберри Финна» – «Совсем пропавший» была признана одной из лучших экранизаций произведений Марка Твена. А вольное переложение на грузинскую почву романа французского писателя Клода Тилье «Мой дядя Бенжамин» – фильм «Не горюй!» вошел в классику мирового кинематографа, а исполнитель роли Бенжамена Вахтанг Кикабидзе был удостоен приза «За лучшую мужскую роль» на фестивале в Картахене.

ТРУДНОСТИ РАЗНЫХ РЕЖИМОВ

Георгия Данелия не был ни диссидентом, ни «персоной, приближенной к императору». Его часто спрашивали, при каком правителе было легче работать? «...Я снимал при Хрущеве, при Брежнев и при Черненко и Андропове, при Ельцине, Путине – и не мог все время менять свою позицию, ориентируясь на текущую политику. Самоцензура, конечно, существовала всегда. Мы и не снимали ничего, что можно было бы считать враждебным и не могли бы снять при всем желании, кино – не роман, его нельзя написать и спрятать в ящик», – отмечает Данелия.

В картине «Кин-дза-дза!»,

которая вышла на экраны в конце 1986 года, зрители видели острую политическую сатиру. Но Георгий Николаевич утверждает, что снимал не сатиру, а использовал сюжетные ходы. «Когда мы начали снимать «Кин-дза-дза», везде висели огромные портреты Брежнева. Чем дальше, тем больше. И мы придумали, что наш правитель ПЖ делает себе памятник – как огромный последний выдох. Но это никакая не политика. Я рассказывал про ту планету – Плюк. А что у нас на планете – я за это не отвечаю. Я ту планету знаю лучше, чем эту».

При любом правительстве снимать было сложно, говорил режиссер. При советской власти худсоветы всюду видели крамолу. Когда снимали «Паспорт», с Израилем не было дипломатических отношений, что создавало массу трудностей. В лихие 90-е приходилось собирать средства с миру по нитке. Данелия вспоминает, что во время работы над фильмом «Настя» (картина вышла в 1993 году), он пытался гротескно показать действительность, но реальность обгоняла любые фантазии. Например, придумали, что в Москве перебои с подачей электричества, и трамвай по рельсам тащит на буксире БТР. Стали снимать – люди возмутились, что БТР и трамвай не остановились на остановке, побежали следом и пытались сесть в вагон. Придумали, что солдат из танка сливает шлангом бензин в «Жигули». Снимали сцену на смотровой площадке напро-

На вручении награды

тив МГУ. К мосфильмовскому «жигуленку» тут же пристроилась очередь из легковушек, водители затеяли ссору, кому и сколько отпускать бензина. Чтобы не сорвать съемку, пообещали, что бесплатно нальют всем по два литра 93-го.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Созвездие Данелия – огромно. Во время одного маршрута облететь его нереально, потому что придется задержаться и на церемонии вручения «Оскара», и прогуляться по ночному Риму, а также пережить шторм в арктических водах, дожждаться летной погоды в горах, а главное посидеть в компании старых друзей, родственников, случайных собутыльников, знаменитых режиссеров, актеров и продюсеров. Читайте «Безбилетный пассажир» и другие первоисточники.

Режиссер был трижды женат. Его первая жена была студентка юрфака, дочь замминистра нефтяной промышленности СССР – Ирина Гинзбург, у них родилась дочь Ланочка. Брак продлился пять лет. В гражданском браке с народной артисткой Любовью Соколовой режиссер прожил более 25 лет, в семье родился единственный сын Николай, который скончался в 26 лет. Третьей женой Данелия стала режиссер-постановщик Галина Юркова.

После трагедии с сыном Георгий Николаевич сильно болел, пережил клиническую смерть. Выжить ему помогли не только врачи, но и друзья. «Первым, кого я увидел, придя в себя», – пишет Данелия, – был Юра Кушнерев, который кричал: «Я говорил, что он не помрет!». Одновременно с Юрой кричала его трехлетняя дочь, которую не с кем было оставить дома: «Данелка! Не умирай! Данелка! Не умирай!». Когда хирург убедился, что Данелия жив, написал список лекарств, которые надо срочно достать. Кушнерев прорвался к министру здравоохранения, в правительственной аптеке ему выдали все, кроме одного препарата. Юра позвонил в Западную Германию Норберту Кухинке (профессор Хансен в «Осеннем марафо-

не»). Норберт в тот же день передал лекарство через пилота «Люфтганза». Встречать посылку на таможне в Шереметьево приехали Евгений Примаков, генерал КГБ Навицкий, которого подключил Примаков, и Кушнерев – режиссер, продюсер, актер и просто хороший товарищ. Препараты помогли, к лечению Данелия подключились академик Бураковский и профессор Давид Иоселиани. В больнице круглосуточно дежурил ученик режиссера Джангир Мехтиев – на случай, если что-то понадобится. Когда в палату допустили Гио Канчели и тот увидел друга, утыканного трубочками, в вене – капельница, композитор без лишних слов включил портативный магнитофон с записью нового варианта музыки к «Кин-дза-дза!». Потом спросил, много ли надо переделать? Данелия после долгой паузы ответил: «Все». «Ни черта ты не помрешь», – обрадовался Гио Канчели.

В последние годы Данелия редко выходил из дома, предпочитая общество супруги, старых друзей, в частности, Юрия Роста, своего соседа по дому, и любимых котов – Афони и Шкета.

Свою последнюю книгу Данелия назвал «Кот ушел, а улыбка осталась», в которой досказал подробнее то, что не вошло в первые две книги. В эпилоге отметил: «Меня часто спрашивают:

– Неужели в жизни вы не встречали сволочей? Почему не пишете о них в своих книгах?

– Встречал сволочей и предателей. И немало. Но они крепко-накрепко заперты в мусорном ящике моей памяти. И вход им в мои воспоминания строго запрещен».

...На своей планете Данелия неразлучен с Гией Канчели, недавно к ним присоединился и Юра Кушнерев. Сын Коля пишет стихи, родители пьют чай в тени деревьев на собственной даче, когда-то переданной генералом детскому саду. Из леса с лукошком грибов выходит Леонов. На огонек заходит Тонино Гуэрра. На планете Данелия светло и тепло, как и в его кино и книгах.

НЕВЫДУМАННЫЕ ЛЕГЕНДЫ. О ЛЮДЯХ В ПОГОНАХ

■ Владимир ГОЛОВИН

Каждый раз, когда в газетах и всевозможных календарях-справочниках царского времени я читал про военных, то ловил себя на том, что не только восхищаюсь именами и титулами – не сделать этого просто нельзя. Судите сами: адъютант Главнокомандующего войсками округа, штаб-офицер, полковник, князь Андрей Захарович Чавчавадзе, командир конвоя Главнокомандующего, обер-офицер, ротмистр, князь Гиви Иванович Амилахори, начальник Тифлисского окружного арсенала полковник Иван Владимирович барон фон Меерштейдт-Гюллесем... Произнесешь все это, и невольно перед глазами – золоченые эфесы, дуэльные барьеры, подкрученные усы и пенящиеся бокалы. А наименования полков, звучащие, как торжественный марш! «135-й пехотный Его Имп. Высочества Великого князя Сергея Михайловича... 156-й Елисаветпольский Генерала князя Цицианова... лейб-гвардии Атаманский Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полк...» Долго не мог понять, что еще необычного для нашего вре-

мени во всем этом. И, наконец, осенило: прочесть все эти фамилии и должности, наименования и места дислокации полков мог любой желающий. Причем в открытой печати, издателей которой в те времена никому бы и в голову не пришло обвинять в раскрытии военных тайн.

Но, как говорится, пришли иные времена, взошли иные имена. Весьма символически соответствующие уже совсем иной армии. В 80-е годы прошлого века должность заместителя командующего Закавказским военным округом занимал известный мракобес генерал Макашов. Были и «говорящие фамилии»: в 70-е годы дивизией внутренних войск МВД СССР в Грузии руководили комдив Штанько и начальник штаба Портянко. В Батумском погранотряде в 60-е были офицеры Загубигорилка и Непейпиво, весьма далекие от общества трезвости...

А не менее звучные, чем в прежнее время, наименования полков и дивизий доходили до широкой публики через строжайшую цензуру. С 1949 по 1990 годы шесть раз прини-

мался «Перечень сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению». К самому полному – от 1976 года – в 1977-м и 1979-м секретными приказами было издано еще два дополнения. Автор всех этих документов – Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР, сокращенно – Главлит. Ни одна типография не имела права работать с текстом, который не прошел цензорский контроль. А все, что касается армейской жизни, естественно, должно было визироваться военными цензорами.

Евгений Евтушенко

С особым рвением те следили, чтобы в печать не проникли наименования полков, дивизий и т.д. «Перечень сведений, запрещенных к опубликованию...» почему-то не разрешал сообщать широкой публике их полные названия, не менее звучные, чем в прежнее время. И, скажем, 81-й гвардейский мотострелковый Петроковский дважды Краснознаменный, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого полк или 841-й гвардейский авиационный Виленский Краснознаменный ордена Суворова полк истребителей-бомбардировщиков доходили до читателя в виде уныло безликих «Н-ских воинских частей». А 1-я гвардейская мотострелковая Московско-Минская ордена Ленина, Краснознаменная, орденов Суворова, Кутузова мотострелковая дивизия или 15-я мотострелковая Сивашско-Штеттинская ордена Ленина, дважды Краснознаменная, орденов Суворова и Трудового Красного Знамени дивизия – какого-то «Н-ского соединения»... Какая словесная красота пропадала!

Честно говоря, этой глупостью я пользовался вовсю. Когда из ЦК партии к нам в Грузинформ пришел новый директор, решивший бороться за явно расшатавшуюся дисциплину, появился журнал, в который все уходившие из редакции сотрудники должны были указывать, куда они отправляются в рабочее время. Рядом с названиями научных институтов и заводов, адресами композиторов и вернисажей появлялась моя запись: «Н-ская воинская часть». Я тогда писал и на военную тему. И был на «гражданке» одним из немногих, уже знавших, что слово «полк» у военных цензоров не в почете.

Цензоров было двое, работали они, через день сменяя друг друга, в помещении редакции газеты Краснознаменного Закавказского военного округа «Ленинское знамя» – старейшей в Советской Армии. Катавасия с аббревиатурой наименования округа принесла им с 1974 года еще одну заботу. Надо было не менее зорко следить и за тем, чтобы сокращенно писалось уже не КЗакВО – буква «К» предписали исчезнуть из

аббревиатур абсолютно всех округов Министерства обороны страны. Дело в том, что в этом году орден Красного Знамени получил и Уральский военный округ (УрВО). Но, если к этому сокращению добавить еще «К», то детям до 16 лет результат не покажешь...

Ну а бастионы абсурдной в век спутников-шпионов секретности, скрывающие заслуженные и красивые названия полков, надоедают, в первую очередь, журналистам из «Ленинского знамени». И они подкладывают цензору литературоведческую статью, в которой не меньше пяти раз упоминается «Слово о полку Игореве». На следующий день статья становится бестселлером: каждый, связанный с редакцией, хочет посмотреть, как в памятнике древнерусской литературы, росчерком красного карандаша, полк пять раз превращается в «часть Игореву».

Впрочем, и сама газета умела ошарашить читателя. Особенно поэзией, хотя именно эту редакцию на улице Луначарского (ныне – Реваза Лагидзе) с самыми теплыми чувствами вспоминал российский поэт Евгений Евтушенко. В конце 1960-х годов после «демобилизующей народ» песни «Хотят ли русские войны?» Главное политуправление армии и флота (Главпур) призвало его в армию и отправило рядовым именно в эту газету. Впрочем, в ней поэт мог появляться и без военной формы:

«...Прибыв солдатом в газету, я попал не в казарму. Меня взял к себе на службу главный редактор, человек редкой души и порядочности, полковник М. Головастик. Ему я посвятил свою поэму «Пушкинский перевал», которая тут же была опубликована в газете, приведя в ужас «главпуровцев» и работников Главлита... Вопреки предупреждениям генералов из Москвы, он организовывал мои творческие вечера в гарнизонных Домах офицеров и солдатских клубах отдаленных горных гарнизонов, где меня встречали восторженными овациями и цветами молодые офицеры, их жены и дети, студенты и солдаты... Я бесконечно благодарен этому человеку. По мере возможности встречался и поддерживал добрые

Владимир Жириновский в Тбилиси. 1970-1972 гг.

отношения с ним и его семьей в Москве, где он жил на пенсии... Добрая память о нем останется у меня навсегда».

Во многом благодаря «Ленинскому знамени» Евтушенко стал верным поклонником Грузии, восторженным почитателем ее столицы. Чего, увы, нельзя сказать еще об одном известнейшем россияине, также отбывавшем воинскую повинность в Тбилиси. Несмотря на то, что служил он в штабе округа на офицерской должности, дававшей возможность весьма привольной жизни, Владимир Жириновский питает ко всему грузинскому только презрение. Впрочем, это – одно из отличий поэта от политика.

К сожалению, с годами на страницах «Ленинского знамени» стала обитать другая поэзия. Созданная товарищами офицерами и членами их семей женского пола. А особо душещипательной лирикой отличался старший лейтенант, оказавшийся... начальником гауптвахты в Кировабаде. Но самый уникальный вклад пииты в погонях внесли в Лениниану. Мой однокурсник Толя Гордиенко, отслужив два года офицером после окончания университета, еще пару лет в 1970-х носил военную форму – уже в «Ленинском знамени». И как-то, дежуря по номеру, готовящемуся ко

дню рождения Ленина, он читает стихотворение, заставляющее в корне пересмотреть устоявшиеся взгляды на моральный облик вождя пролетариата. Толик апеллирует к всевозможному начальству: это печатать нельзя! Но ответ один: «у вас, товарищ старший лейтенант, какое-то извращенное мышление». Так в праздничном номере появился стих, в котором были замечательные строки о взаимоотношениях Ильича с женой воюющего солдата:

«Я тогда еще и не родился.
Мой отец под Псковом
шел на бой.
А Ильич без усталости трудился,
Чтоб приблизить день
рождения мой».

Еще одно оригинальное утверждение – уже об отношениях Ленина с Надеждой Константиновной зарифмовал пиит из числа читателей-политработников. Наученный горьким опытом и поэтическим вкусом начальства, Толя и не пытался оспаривать его публикацию. Вот оно:

«Гуляют письма по местам
скитаний,
Приходят и уходят поезда.
И дарит Крупская всего
одно свиданье.
Одно свиданье – раз
и навсегда!»
Как говорят в «Покровских
воротах», высокие, высокие от-

«Одно свиданье – раз и навсегда!»
Надежда Крупская

ношения...

Что же касается бдительности, то в ее проявлении высший пилотаж показал преподаватель военной кафедры Тбилисского университета, которого за глаза мы называли «Камкам», а в лицо, как и положено на этой кафедре, «товарищ подполковник». Обращаться к себе по имени и отчеству Владимир Семенович запретил, для него мы были не студентами, которые должны стать филологами и журналистами, а курсантами – будущими офицерами-мотострелками. За годы службы с 20-ти лет он стал говорить на родном грузинском с русским акцентом и наоборот, по-русски – с резко выраженным произношением грузина.

Мы прониклись к нему теплым чувством на первом же занятии. Информировав, что главное в армии – дисциплина, он приводит такой пример: «Вот, скажем, стоите вы перед лужайкой и звучит команда: «Ложись!» Вы должны немедленно лечь носом прямо в лужайку». Когда же кто-то интересуется, а что страшного в том, чтобы уткнуться носом в лужайку, подполковник дает замечательное пояснение: «Как что? Большая лужа – это лужа, маленькая лужа – лужайка!» Ну как не полюбить такого наставника! Чего только стоило его любимое описание того, как достигается победа. С применением географических терминов, сладко звучащих для его уха, но не очень понятных ребятам с грузинского сектора: «Мы минуем лоцины, урочища и на плечах противника врываемся в окопы». Такой способ атаки казался ему особенно предпочтительным.

А зачет, который я сдавал Камкаму, стал одним из самых светлых моментов за все сессии в университете. Не сдать его было нельзя – с «хвостом» по «военке» не допускали на остальные экзамены. Билет мне достается несложный, последний вопрос – «Окапывание на открытой местности с помощью МСЛ» То есть малой саперной лопаты. Она уже лежит перед экзаменатором, беру ее и начинаю рассказ о тонком искусстве окапывания, но подполковник прерывает: «Отставить разговоры! Покажите на практике!» Имея в

Карикатура «Ленинское знамя и цензор»

виду, что лежа я изображу процесс в общих чертах.

А дело происходит в аудитории пятого корпуса. Между прочим, с паркетным полом. Но приказ, как известно выполняется немедленно. И я, рухнув на живот, за неимением почвы изо всех сил колочу острой лопатой по паркету, пока экзаменатор не понимает, что происходит. Следы – соответствующие. Закопаться в паркет не удастся: Камкам осознает, что я действую всерьез и спешно объявляет: зачет сдан. Позже следы моего мастерства окапывания оценивают и комендант здания с начальником военной кафедры – в личном разговоре с Владимиром Семеновичем за закрытыми дверями.

Но апогея бравого подполковник достигает в проявлении супербдительности. Такой, что и не снилась никакому цензору. В итоге было достигнуто два результата. Первый – блок НАТО не узнал, как выглядит советское оружие изнутри. Второй – военная кафедра университета впервые за всю свою историю насильно не привлекла студента к занятиям, а вежливо и без шума избавилась от него. Происходит это в самом начале учебы на первом курсе. С человеком, имя-фамилию которого Камкам запоминал долго и мучительно – Лазарос Зафиридис. Мы же звали его Лазо или Лазик, хотя были младше более чем на десять лет. Его родители в 1930-х уехали из Цалки в Грецию, там Лазик родился, окончил классическую гимназию, служил в военной полиции, был в мото-

А мы три года собирали...

циклетном эскорте короля, а затем несколько лет искал счастья в ФРГ. «Под старость, – рассказывал он, – родители заявили, что хотят умереть на родине. И умерли успокоенными, а я мучаюсь...».

И на военной кафедре, с ее специфической терминологией и взглядами на мир, определенные мучения могли ждать Зафиридиса, 32-летнего не мальчика, но мужа, хотевшего изучать классическую филологию и говорившего по-русски не так блестяще, как на древнегреческом и латинском. Ну какой из него офицер Советской Армии! Однако Лазик поблажек не желал, хотел быть, как все.

При первой встрече с нашим курсом Владимир Семенович предлагает тем, кто уже служил в армии, выйти из строя и показать остальным, как приветствуют начальство. В числе остальных, прошедших армейскую науку, выходит и Лазо. Когда приходит его черед, он, высоко вскидывая колени, делает пару шагов, несколько раз переступает с ноги на ногу, подпрыгивает и, оглушительно грохнув всей ступней по полу, прикладывает к виску пятерню. Причем растопыренную и вывернутую ладонью вперед.

Придя в себя после этого зрелища, подполковник, заикаясь, приказывает повторить, и Лазик снова изображает лихое топтание с подпрыгиванием. В голову Камкама начинает закрадывать-

ся нехорошее подозрение. «Вы в какой армии служили?» – дрожащим голосом вопрошает он. «В греческой», – улыбаясь сообщает Зафиридис. «Это – НАТО?», – лицо преподавателя начинает каменеть. «НАТО, НАТО!», – радостно заверяет его Лазик. «Объявляется перерыв!» – срывая на фальцет командирский голос, выкрикивает Камкам.

Когда мы возвращаемся в аудиторию, почти все плакаты с изображениями пистолетов Макарова и автоматов Калашникова в разрезе уже повернуты картинками к стене. А бдительный Владимир Семенович поворачивает последний – с прибором поэтичного названия ВПХР и спасшимися от химической атаки страшными зелеными рожками в противогазах. Потом, не удовлетворившись тем, что успел спасти военные тайны от натовского взора, Камкам провозглашает: «Зафиридис свободен! Занятия продолжают!» А затем происходит невиданное: руководители филфака и военной кафедры умоляют студента Зафиридиса перестать быть «курсантом», то есть больше не изучать советскую воинскую науку. И военная подготовка исчезает из жизни Лазика, он внимает заверениям начальства, что и без нее получит диплом.

Когда университет и Камкам становятся уже прошлым, наш Лазарос встает у истоков первых общественных греческих органи-

заций, помогает соотечественникам выбивать у советской власти разрешения уехать на историческую родину.

Он задается целью вернуть понтийским грекам национальный язык, он – один из инициаторов преподавания в школах греческого языка, сам вместе с женой, очаровательной Беллочкой Калайчиди открывает в Тбилиси курсы по его изучению. И как сообщает «Объединение греческой молодежи России»,

Подполковник Камкам

«слушатели хлынули: ученые и художники, инженеры и рабочие, домохозяйки и пенсионеры...» Заработав на всем этом инфаркт, Лазарос Антонович по-прежнему не жалел здоровья, не берег нервов... В последний путь его провожали представители чуть ли не всех живущих в Тбилиси национальностей.

А представить, что сказал бы подполковник Камкам об этой деятельности Лазароса Зафиридиса, несложно: «Ну и кому принесло пользу все, что он сделал? Греции! А это – НАТО? НАТО!»

Все годы учебы мы хихикали над подполковником Камкамом, а недавно я узнал, что он 20-летним парнем ушел на фронт... Что это меняет? Просто повод задуматься о том, что сильнее влияет на людей – время или нелепые параграфы инструкций и постановлений?

GRINIKO

599 62 13 13

თბილისი

ბესიკის ქუჩა №4
ბიზნეს ცენტრი, ოთახი №102

მარნეული

შოთა რუსთაველის ქუჩა №70ა

ქუთაისი

აკაკი წერეთლის 4/4ა
სავაჭრო ცენტრი ქარვასლა, ოთახი №42

GRINIKO

რუსეთის ფედერაციის

გოტვევს

ყველაზე დაბალ ფასად

300

ლარი

- ტრანსფერი
- ავიაბილეთები
- ტურები საქართველოში
- ტურები სუბკარგარეთ
- სამომავლო დაზღვევა
- ფოტო

Не узнать обновленный Батуми – столицу автономной республики Аджария. Историческое прошлое и современность – микст, который привлекает множество туристов.

Фото Александра Сватикова